
ЭРЕТОС
КРОВЬ И КОРЕНЬ
18+

Евгений Терещук

Эретос. Кровь и корень

«Автор»
2026

Терещук Е.

Эретос. Кровь и корень / Е. Терещук — «Автор», 2026

Мир не рушится за один день. Сначала исчезают поставки. Затем пустеют склады, останавливаются механизмы, растут цены и нарушаются старые договорённости. Торговые союзы превращаются в противников, а политические споры постепенно приобретают очертания войны.В Эретосе даже жизнь имеет свою цену. Её измеряют зерном, металлом, Ихором и Слёзным корнем - растением, от которого зависит благополучие целых государств.На далёком северном рубеже Каэл готовится к испытанию, к которому невозможно подготовиться до конца. Пока империя Малакор расширяет своё присутствие, а за торговыми соглашениями скрываются чужие интересы, княжна Аня Скель оказывается перед выбором, от которого зависит судьба не только крепости, но и людей, доверивших ей свои жизни.Однако война - не единственная угроза.Под древними сооружениями, среди забытых проходов и механизмов, сохранились следы того, что предшествовало нынешнему миру. Кто-то намеренно стёр часть истории. Кто-то знает больше, чем готов рассказать.

© Терещук Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золото и бледность 6
Глава 2. Пятна на листьях 16
Глава 3. Скрип металла 24
Глава 4. Тени в архивах 34
Глава 5. Чернила и монеты 42
Глава 6. Шаги по лезвию 53
Глава 7. Переправа над бездной 64
Глава 8. Под снегом Этерны 71
Глава 9. Гул под камнем 81
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Евгений Терещук
Эретос. Кровь и корень

ЭРЕТОС
Кровь и корень
Книга I

Глава 1. Золото и бледность

Император Малакор не чувствовал кончиков пальцев.

Когда-то это тревожило его. Теперь он почти привык. Правая рука неподвижно лежала на подлокотнике трона – чужая, словно принадлежала человеку, умершему несколько дней назад. Под серой кожей проступали тонкие прожилки, похожие на пепел, рассыпанный по мрамору. Они тянулись от запястья и исчезали под рукавом чёрного одеяния.

Малакор смотрел на них без выражения.

В покоях стоял холод.

Вода в чашах не замерзала, слуги обходились без меховых плащей. И всё же каждый, кто входил сюда впервые, невольно втягивал голову в плечи. Жаровни горели исправно, но тепло не задерживалось в комнате.

Вдоль стен стояли алхимические светильники. В узких стеклянных капсулах медленно вращались несколько капель очищенного Ихора, не касаясь стенок. Багровое свечение напоминало угли, тлеющие под золой.

Обычные масляные лампы из императорских покоев давно убрали: они коптили, давали неровный свет и, по словам придворных алхимиков, мешали следить за состоянием Его Величества.

Малакор не любил алхимиков. Темноту он не любил ещё сильнее.

Он поднял левую руку и коснулся серебряного кубка.

Металл был тёплым.

– Сколько? – спросил император.

Стоявший у окна камергер вздрогнул.

– Простите, Ваше Величество?

– Сколько времени?

– До рассвета, Ваше Величество. Около двух часов.

Малакор отпустил кубок.

– Значит, ещё успеем.

Камергер не спросил, что именно они должны успеть. В последнее время он вообще старался не задавать лишних вопросов.

На столе лежали три документа: о состоянии казны, о поставках очищенного Ихора и запечатанное личной печатью наместника южных провинций письмо.

Малакор открыл второй.

Цифры были знакомы. Слишком знакомы.

За последние шесть месяцев поставки очищенного Ихора сократились почти на треть. Алхимические цеха требовали прежних объёмов, храмы не желали урезать свои доли, а императорские лечебницы тратили всё больше вещества, поддерживая тех, кого ещё недавно считали безнадёжными.

В отчёте предлагалось перераспределить запасы.

Малакор усмехнулся.

– Они предлагают мне разделить недостаток.

Камергер промолчал.

– Удобно. Когда нечего дать, остаётся поделить пустоту.

Он перелистнул страницу. На полях стояла подпись главного казначея и короткая пометка: «Требуется решение».

Император взял перо.

Пальцы левой руки слушались, хоть и неохотно. Подписав документ, Малакор задержал взгляд на почерке. В последние месяцы буквы становились угловатыми; порой перо срывалось и прорезало бумагу.

Он положил перо.

Один из светильников тихо звякнул.

Багровая капсула потемнела, затем вспыхнула, словно внутри разом разгорелся огонь. Жидкость вытянулась по стеклу тонкой нитью и замерла у самого горлышка.

Камергер отступил.

Малакор посмотрел на светильник.

– Опять.

– Прикажете вызвать алхимика?

– Нет.

Капсула дрогнула. На стекле выступила тонкая красная полоса.

– Они и без того слишком часто здесь бывают.

Император отвернулся.

Серафина вошла уверенно, не задерживаясь у дверей.

На ней было тёмно-синее платье с высоким воротом. Ни драгоценностей, ни вышивки – только маленький серебряный знак императорской канцелярии на груди. В руках она держала кожаную папку и несколько свитков.

Она остановилась на положенном расстоянии и склонила голову.

– Ваше Величество.

– Серафина.

– Я принесла сведения из Окхейвена и доклад по южным поставкам.

– Начните с Окхейвена.

Она раскрыла папку.

– Торговая Лига задерживает исполнение двух соглашений. Официально ссылается на трудности перевозки и пересмотр складских резервов. Но наши наблюдатели сообщают о серьёзных проблемах на прибрежных плантациях Слёзного корня.

– Какие именно?

– Часть урожая поражена неизвестной болезнью. Листья сереют, корни размягчаются. Некоторые участки уже пришлось уничтожить.

Малакор медленно поднял глаза.

– Сколько?

– Точные цифры скрывают. По предварительным оценкам, потери могут составлять от десяти до пятнадцати процентов урожая.

– Это только начало?

– Возможно.

– Или они намеренно преувеличивают потери, чтобы поднять цену?

– Такая вероятность тоже есть.

Император откинулся на спинку кресла.

– Люциус Морван не стал бы задерживать поставки без причины.

– Он может пытаться выиграть время.

– Для чего?

– Чтобы скрыть масштаб ущерба до следующего расчётного периода. Если сведения попадут на биржу, цена Слёзного корня подскочит, а банки потребуют от Лиги дополнительных гарантий.

Малакор посмотрел на неё внимательнее.

– А если это не уловка?

– Тогда положение хуже, чем кажется.

В комнате повисла тишина.

Серафина не спешила продолжать. Она знала: император не терпел пересказа очевидного, особенно когда речь шла о том, что могло стоить ему власти.

– Что говорят алхимики? – спросил он.

– Пока ничего определённого. Образцы отправили в несколько лабораторий. Одни специалисты считают, что растения поражены грибком. Другие полагают, что грибница поселилась в корнях уже после того, как те начали гибнуть.

– Значит, они ничего не знают.

– Пока нет.

– А вы?

Серафина выдержала его взгляд.

– Я не стану выдавать догадку за доказательство, Ваше Величество.

Малакор едва заметно улыбнулся.

– За это я и держу вас рядом.

Он потянулся к кубку, но пальцы правой руки не сдвинулись. Тогда он воспользовался левой.

Серафина заметила движение. Её взгляд на миг задержался на неподвижной руке императора, но она промолчала.

– Есть ещё одна проблема, – произнесла она. – Окхейвен просит пересмотреть квоты на Слёзный корень. Они хотят временно сократить поставки в Империю.

– На сколько?

– На четверть.

– Отказать.

– Ваше Величество, если урожай действительно повреждён, отказ может обернуться полным прекращением поставок.

– Они продают нам лекарство, а теперь хотят диктовать условия?

– Они продают нам то, без чего наши лечебницы не смогут работать.

Малакор повернул голову.

– Вы предлагаете уступить?

– Я предлагаю выяснить, сколько у нас осталось собственных запасов.

– Выяснить?

– И проверить, насколько далеко зашло поражение плантаций.

– Вы уже получили сведения.

– Недостаточные.

Император долго смотрел на неё.

– Вы слишком осторожны, Серафина.

– Осторожность обходится дешевле ошибки, Ваше Величество.

Он коротко рассмеялся, но смех тут же перешёл в сухой кашель. Малакор прикрыл рот ладонью, переждал приступ и вытер губы платком.

На белой ткани осталась тонкая серая полоска.

Серафина заметила её.

– Вам следует отдохнуть.

– Мне следует править.

– Это не исключает друг друга.

– В последнее время вы слишком часто позволяете себе подобные замечания.

– Только когда считаю их необходимыми.

Император сложил платок и спрятал его в рукав.

– Продолжайте.

Алхимическая лаборатория располагалась на нижнем уровне дворца, за двумя дверями из чёрного железа.

Случайных посетителей сюда не допускали. Даже придворные лекари входили только с разрешения старшего алхимика. Стены облицовывал белый камень; на полу медные жилы замыкались в круги вокруг рабочих столов.

В центре стоял длинный стол из тёмного базальта.

На столе стояли стеклянные сосуды, серебряные инструменты, весы и небольшие жаровни. В углу работал вытяжной колпак, но едкий запах металла и горьких трав всё равно держался в воздухе.

Старший алхимик Эвран поклонился императору.

– Ваше Величество.

– Покажите.

Эвран снял крышку с небольшого стеклянного сосуда.

Внутри находилась капля Ихора.

Капля была размером с ноготь мизинца, но вела себя так, словно обладала собственной волей. Не растекалась по дну и не прилипала к стеклу. Когда алхимик осторожно повернул сосуд, она осталась на месте, а затем медленно поползла вверх.

Серафина приблизилась.

– Она должна так двигаться?

– Нет, госпожа. По крайней мере, не должна была.

Эвран установил сосуд на подставку. Под ним лежала тонкая пластинка из белого металла, покрытая знаками.

Алхимик коснулся пластинки серебряным стержнем.

Ихор мгновенно вытянулся в тонкую нить.

По поверхности металла прошла дрожь. Знаки на пластинке на короткое мгновение засветились красным, после чего один из них треснул.

Звук был тихим, но отчётливым.

– Уберите стержень, – приказал Малакор.

Эвран подчинился.

Капля снова собралась в шар.

– Что это означает?

– Мы пока не знаем, Ваше Величество. Ихор ведёт себя иначе: то принимает заданную форму, то сопротивляется воздействию. Вчера один из сосудов лопнул без видимой причины.

– Температура?

– В пределах нормы.

– Состав?

– Проверен трижды.

– Тогда что изменилось?

Эвран замялся.

– Возможно, дело не в самом Ихоре.

Малакор медленно повернулся к нему.

– Объясните.

– Очищение меняет не только примеси. Мы удаляем часть того, что алхимики прежних эпох называли мёртвой примесью. Но, возможно, именно она удерживает вещество в устойчивом состоянии.

– Вы хотите сказать, что мы очищаем его неправильно?

– Я хочу сказать, что мы удаляем нечто, назначения чего не понимаем.

– И сколько лет вы занимались этим, прежде чем решили сообщить мне?

– Мы не могли быть уверены.

Малакор подошёл к столу.

Капсула Ихора дрогнула.

Алхимик отступил.

– Не приближайтесь, Ваше Величество.

– Почему?

– Оно реагирует на вас.

Император посмотрел на собственную руку.

– Оно всегда реагировало.

– Не так.

Малакор протянул левую ладонь над сосудом.

Малакор протянул левую ладонь над сосудом. Капля медленно поднялась. Между ней и стеклом вспыхнуло багровое свечение, похожее на язычок пламени. Лабораторию наполнил низкий гул. Медные жилы в полу задрожали, а огни в жаровнях погасли разом.

Эвран схватился за край стола.

Серафина почувствовала, как под ногами дрогнул камень.

– Довольно, – сказала она.

Малакор не убрал руку.

В капле Ихора появилась тёмная сердцевина. Она пульсировала, словно крошечное сердце.

Потом звук оборвался.

Сосуд треснул.

Эвран успел накрыть сосуд защитным колпаком. Капля ударилась о стекло и распалась на несколько багровых нитей. Те поползли по внутренней поверхности, оставляя чёрные следы.

Император опустил руку.

– Уберите это.

– Ваше Величество, я должен предупредить...

– Уберите.

Эвран поклонился.

Малакор направился к выходу. Серафина пошла следом.

У самой двери он остановился.

– Сколько у нас очищенного Ихора?

– В хранилищах и лечебницах – запас примерно на четыре месяца, если не менять нормы расхода.

– А если изменить?

– До семи. Но тогда придётся сократить выдачу храмам и частным алхимическим цехам.

– Сократите.

Серафина посмотрела на него.

– Это вызовет недовольство духовенства.

– Пусть недовольны.

– Храмы могут отказаться поддерживать решение.

– Тогда напомните им, кто оплачивает их крыши и алтари.

– Будет исполнено.

– И ни слова о сегодняшнем опыте.

Эвран склонил голову.

– Разумеется, Ваше Величество.

К полудню императорская канцелярия получила ещё один доклад.

На этот раз из западных провинций.

Каэл.

Горное княжество за Хребтом Плачущих Ветров давно зависело от имперского зерна. Взамен Каэл поставлял металл, уголь, стальные заготовки и детали для военных механизмов.

Союз был выгоден обеим сторонам.

По крайней мере, прежде.

Малакор изучал карту, пока Серафина читала донесение.

– В Форт-Грозе перебои в работе грузовых линий. Несколько подвесных участков требуют ремонта. Из-за этого задерживается доставка зерна с наших западных складов.

– Насколько?

– На девять дней.

– Почему?

– Из-за состояния Сети Векторов и нехватки технического масла.

– Они просят помощи?

– Рурик Скель обратился повторно. Просит выделить дополнительное масло и пересмотреть условия зернового соглашения.

Малакор провёл пальцем по карте.

– Скель стареет.

– Он по-прежнему пользуется уважением Совета Мастеров.

– Одним уважением гондолы на канатах не удержишь.

– Нет, Ваше Величество.

– Что будет, если мы задержим зерно?

Серафина не ответила сразу.

– Каэл начнёт расходовать собственные резервы. Если перебои продолжатся, возникнут проблемы с продовольствием.

– Сколько у них населения?

– Около шестидесяти тысяч.

– И сколько они могут продержаться без наших поставок?

– Точные оценки расходятся. Но если перебои в Сети Векторов продолжатся, положение станет критическим.

Малакор отодвинул карту.

– Они продают нам сталь. Мы продаём им зерно. Это не благотворительность.

– Разумеется.

– Их металл нужен армии. Но если они не могут доставлять его вовремя, мы не обязаны содержать их за свой счёт.

– Рурик утверждает, что без технического масла объёмы производства сократятся.

– Тогда пусть увеличит добычу.

– Для этого ему тоже нужны исправные линии.

Малакор посмотрел на неё.

– Вы сегодня особенно настойчивы.

– Я стараюсь оценивать последствия, Ваше Величество.

– А я стараюсь не позволить соседям превратить наши запасы в собственную казну.

Он вернулся к документу.

– Подготовьте указ.

Серафина взяла чистый лист.

– Какое распоряжение следует внести?

– Сократить поставки зерна в Каэл до объёмов, предусмотренных действующим соглашением. Дополнительные заявки отклонять, пока поставки металла не вернутся к прежнему уровню.

– Это может вызвать серьёзный кризис.

– Тогда они быстрее поймут цену своей зависимости.

Серафина записала распоряжение.

Малакор добавил:

– И направьте в западные провинции проверяющих. Пусть выяснят, куда уходят деньги, выделенные на ремонт Сети.

– Будет исполнено.

– Я не намерен оплачивать чужую некомпетентность.

После полудня Малакор остался один.

Он сидел у высокого окна, за которым раскинулась Этерна – столица Империи Валарис.

Город жил обычной жизнью. По мостовым катились повозки, на площадях торговали тканями и фруктами, у храмов тянулись очереди за благословением. На крышах дворцовых зданий мерцали защитные знаки, оставшиеся от прежней династии.

С высоты казалось, что ничто не изменилось.

Но Малакор знал, что это не так.

Под городом располагались хранилища. Там лежали запасы Ихора, серебряные слитки, старые алхимические инструменты и сосуды, не открывавшиеся со времён деда Малакора.

Некоторые из них были старше самой Империи.

Он помнил, как впервые увидел очищенный Ихор. Ему было двадцать. Наставник держал над чашей тонкую иглу, и багровая жидкость тянулась за ней, словно следовала за невидимой рукой.

Молодой Малакор спросил, почему она слушается.

Наставник ответил:

«Она не слушается. Она вспоминает».

Тогда это показалось красивой метафорой.

Теперь он не был уверен.

Пепельные прожилки на правой руке стали заметнее. На костяшках проступили тонкие трещины, кожа вокруг них посерела.

Он сжал пальцы.

Ничего.

Малакор резко ударил ладонью по столу.

В комнате прокатился низкий гул.

Один из алхимических светильников вспыхнул багровым. Колбы на соседней полке задрожали, а жидкость в открытой чаше поднялась над краями и собралась в плотную каплю.

Император смотрел на неё.

Капля дрогнула и медленно поползла по воздуху к его руке.

Он не двигался.

На расстоянии ладони она остановилась.

В груди возникло давление – не боль, а будто тяжёлый удар изнутри. Малакор вдохнул, но воздух показался густым.

Капля упала на стол.

Гул прекратился.

Император долго сидел неподвижно.

Затем позвал слугу.

Вечером Серафина вернулась с окончательным текстом указа.

Малакор уже сменил одежду. Чёрное одеяние было застёгнуто до горла, а на правой руке лежала тонкая перчатка.

– Ваше Величество, указ подготовлен.

Он взял документ.

Текст был коротким: без лишних объяснений и попыток смягчить решение. Поставки зерна в Каэл ограничивались условиями действующего соглашения; все дополнительные заявки приостанавливались до восстановления прежних объёмов поставок металла.

Внизу оставалось место для печати.

Малакор прочитал документ дважды.

– Отправить немедленно.

– Да, Ваше Величество.

– Сведения о состоянии Ихора?

– Пока не распространялись.

– И не будут.

Серафина помедлила.

– Ваше Величество, если положение с очищенным веществом ухудшится, нам придётся пересмотреть не только поставки, но и внутренние нормы.

– Я знаю.

– Тогда следует подготовить запасной план.

– Подготовьте.

– И ещё одно. Главный алхимик просил разрешения продолжить исследования нестабильных образцов.

– Отказать.

– Он считает, что может найти способ стабилизировать вещество.

– Он уже нашёл способ разбить сосуд.

– Возможно, следующий опыт даст иной результат.

Малакор положил документ на стол.

– Вы доверяете ему?

– Я доверяю его знаниям. Но не его выводам.

– Хороший ответ.

Он поставил печать.

Воск ещё не успел застыть, когда правую руку пронзил холод. Сначала Малакор решил, что перчатка слишком тугая. Затем заметил тёмную жидкость, выступившую из-под неё.

Она медленно стекала по запястью.

Малакор накрыл руку рукавом.

Серафина заметила движение.

– Ваше Величество?

– Ничего.

– Позвать лекаря?

– Нет.

– Позвольте хотя бы осмотреть руку.

– Я сказал, нет.

Она замолчала.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Затем Серафина склонила голову.

– Как прикажете.

Малакор отвернулся к окну.

За стеклом темнела Этерна. Над городом зажигались огни – крошечные точки на полотне ночи.

– Серафина.

– Да, Ваше Величество?

– Сколько лет прошло с тех пор, как умер мастер Элиан?

– Двенадцать.

– Он говорил, что Ихор не терпит слабой руки.

– Да.

– Он ошибался.

Серафина не стала спрашивать, почему император вспомнил об этом.

– Возможно, он имел в виду не силу руки, Ваше Величество.

Малакор посмотрел на неё.

– А что же?

– Этого я не знаю.

Он медленно кивнул.

– Вот поэтому вы ещё служите при дворе.

Серафина забрала подписанный указ и направилась к выходу.

У дверей она остановилась.

– Государь, вам необходимо отдохнуть.

Малакор не обернулся.

– Идите, Серафина.

Она поклонилась и вышла.

Двери закрылись.

Ночью Малакор так и не уснул.

Он сидел перед пустой чашей, в которой утром находился Ихор. Алхимики забрали образец, но не сумели до конца очистить сосуд. На дне остался тёмный налёт, похожий на засохшую кровь.

Малакор провёл по нему пальцем.

Налёт оказался тёплым.

Он отдёрнул руку.

В глубине чаши что-то тихо стукнуло.

Император замер.

Стук повторился.

Один раз.

Потом ещё.

Малакор поднялся, но в груди вновь сдавило. Он опёрся о стол и несколько мгновений не мог выпрямиться.

На правой руке трещины стали темнее. Из одной выступила капля почти чёрной жидкости.

Он вытер её тканью.

Затем долго смотрел на испачканную ладонь.

– Элиан, старый глупец, – произнёс он в пустоту.

Ответа не было.

За окном ветер шевельнул тяжёлые занавеси. Светильники вдоль стен один за другим тускнели. Багровые капсулы медленно вращались, словно кто-то невидимый перемешивал их содержимое.

Малакор вернулся в кресло.

Он не собирался умирать.

Не сейчас.

Империя ещё нуждалась в нём. Окхейвен скрывал потери, Каэл требовал уступок, казна истощалась, а алхимики не могли объяснить, почему Ихор менялся у них на глазах.

Слишком много людей ждали его слабости.

Он не собирался её показывать.

Император накрыл правую руку рукавом и закрыл глаза.

В пустой чаше снова раздался стук.
На этот раз Малакор сделал вид, что не услышал.

Глава 2. Пятна на листьях

Дельта Мордрейка никогда не пахла жизнью.

Даже в разгар лета, когда солнце вставало над соляными топями, а испарения укутывали прибрежные деревни белёсой дымкой, здесь держался запах сырости, железа и прелой коры. Вода медленно сочилась между корнями, затапливала канавы, подмывала настилы и оставляла на берегах чёрный ил. В низинах кривились ивы; за ними начинались топи Мордрейка – места, которые местные старались обходить стороной.

Люциус Морван не любил это место.

Не из-за грязи, насекомых или запаха. Он не любил это место потому, что здесь скрывалось главное богатство Окхейвена. А богатство, которое нельзя защитить, рано или поздно становится проклятием.

Он опустился на одно колено в липкую иссиня-чёрную грязь. Дорогие сапоги из тиснёной кожи тут же ушли в жижу, но Люциус даже не взглянул на них. В тяжёлой перчатке он надломил мясистый черенок Слёзного корня и резко выпрямился.

Вместо целебного молочного сока из стебля брызнула едкая бурая кашица.

Люциус отступил.

Запах ударил в лицо: гниль, пережжённая сера и приторная сладость испорченного мяса.

– Вы уверены, что это здесь, мастер Артур? – спросил он, не оборачиваясь.

Первый Консул говорил сухо, однако старый агроном уловил напряжение в его голосе.

Артур прижимал к груди тяжёлую плетёную корзину с образцами. Его лицо было изрезано морщинами, а седые волосы давно перестали подчиняться расчёске.

– Здесь, Ваша Милость. И, признаться, лучше бы нам сюда вовсе не приезжать.

Перед ними простирались знаменитые прибрежные плантации Слёзного корня.

На сотни шагов тянулись ровные ряды приземистых кустов с широкими матовыми листьями. Между грядками темнели узкие канавы с прозрачной водой. Вдоль каждой второй стояли невысокие каменные столбики, покрытые алхимическими знаками.

Когда-то эти знаки высекали вручную мастера, приглашённые из старых храмовых школ. Их назначение было простым: удерживать почву в состоянии, пригодном для выращивания капризного растения.

Слёзный корень не выносил резких перемен. От избытка соли сок становился горьким, от недостатка влаги листья сохли и ломались, а в жару корни уходили глубже, чем позволял плодородный слой.

Но главным было другое.

Растению требовалась особая среда, которую плантационные алхимики называли тихой землёй.

Её составляли из торфа, золы определённых пород деревьев, известняка и небольшого количества очищенного Ихора. Сам по себе Ихор не наделял растение целебными свойствами. Он помогал корню удерживать редкую природную силу, благодаря которой из молочного сока готовили средство против Пепельной болезни.

По крайней мере, так утверждали старые трактаты.

Люциус никогда не вникал в тонкости выращивания. Для него существовали урожай, цена, контракт и срок поставки. Но за годы управления Лигой он усвоил: если агрономы начинают говорить о земле шёпотом, значит, возникла проблема, которую не решить простым увеличением расходов.

Теперь в самом сердце плантации расползалось широкое серое пятно.

Листья покрывала сухая, мертвенно-серая чешуя. Одни стебли почернели у основания, другие лежали на земле, будто их переломила невидимая рука. Почва вокруг казалась присыпанной пеплом.

На соседних грядках кусты ещё зеленели, но листья уже сворачивались внутрь.

– Почва? Засоление? – спросил Люциус. – Удобрения из нижних шахт дали сбой?

– Нет, Ваша Милость.

Артур достал из корзины больной стебель.

– Воду проверили на протяжении тридцати миль вверх по течению. Содержание соли в норме, температура тоже. Удобрения из шахт прошли проверку. Мы даже заменили часть грунта на соседнем участке.

– И?

– Через четыре дня растения начали погибать снова.

Люциус посмотрел на старика.

– Покажите.

Артур осторожно надломил лист.

Под поверхностью обнаружилась тончайшая серебристая паутина. Нити уходили вглубь ткани листа, ветвились и переплетались. Между ними мерцали мелкие точки с маслянистым перламутровым отливом.

Люциус приблизился.

Одна из нитей едва заметно сжалась.

– Это живое?

– По заключению наших лекарей растений, это грибница. Но я не уверен, что они понимают, с чем столкнулись.

– Почему?

Артур достал маленький стеклянный флакон и соскоблил в него часть налёта.

Внутри флакона серебристые нити стянулись в клубок. Они не метались, как обычная плесень, а медленно сходились, складываясь в тонкий узор.

Старик встряхнул сосуд.

Нити разошлись.

– Мы пытались высушить образцы. Они высыхают, но не погибают. Промывали солёной водой – без толку. Даже после обработки известью часть спор остаётся жизнеспособной.

– А Ихор?

Артур помрачнел.

– Вот здесь всё становится хуже.

Он вынул из корзины маленькую плоскую чашу. На её дне находилось несколько капель молочного сока Слёзного корня. Рядом лежал тонкий медный инструмент с выгравированными знаками.

Старик осторожно коснулся сока инструментом.

На поверхности жидкости возникла бледная голубоватая дымка. Она поднялась на несколько пальцев, затем свернулась в маленькое кольцо.

– Обычная реакция, – сказал Артур. – Так мы определяем пригодность сока перед первичной очисткой.

Он поднёс к чаше флакон с грибницей.

Серебристые нити внутри немедленно вытянулись к стеклянной стенке.

Голубая дымка потемнела.

А затем исчезла.

Люциус нахмурился.

– Что это значит?

– Мы не знаем. В одних образцах сок перестаёт отвечать на алхимический знак. В других реакция становится чрезмерной. Один мастер обжёг руку во время обычной проверки.

– От грибницы?

– От самого сока. Он внезапно вскипел.

– Сок не кипит при такой температуре.

– Именно.

Старик произнёс это почти беззвучно.

Люциус ещё раз посмотрел на чашу. На её краю появилась тонкая серая плёнка.

– Сколько участков поражено?

– На этой плантации – около семи процентов. На соседней – чуть больше трёх. Вчера пришло сообщение с южного берега: там тоже нашли похожие пятна.

– Значит, это распространяется.

– Возможно. Но я не могу утверждать, что во всех случаях речь об одном и том же поражении.

– Вы хотите сказать, что у нас сразу несколько неизвестных болезней?

– Я хочу сказать, что мы пока не знаем, что именно происходит.

Люциус снял перчатку и посмотрел на пальцы.

Он не терпел неопределённости. В торговле она означала убытки, в политике – слабость, на войне – смерть. Но сейчас неопределённость была единственным честным ответом, который он услышал за последние часы.

– Вы сказали, что грибница не поднимается из земли?

– Я сказал, что до появления поражения мы не обнаружили в почве обычных признаков грибницы.

Артур посмотрел на далёкую полосу леса.

– Некоторые рабочие утверждают, что она приходит с водой. Другие говорят, что после ночного тумана листья покрываются серебристым налётом. Есть и те, кто винит запретные топи.

– Вы сами во что верите?

Старик долго молчал.

– Я верю тому, что видел. А видел я растения, которые погибали быстрее, чем мы успевали их изучать.

Люциус отвернулся.

За тёмной полосой леса начинались закрытые земли Мордрейка. За старыми рвами и заброшенными сторожевыми башнями лежали владения герцогини, куда чужаков не пускали уже несколько поколений.

О них ходили разные слухи.

Говорили, будто в болотах уцелели старые алхимические мастерские; будто местные травники умеют выращивать растения без солнечного света; будто по ночам над водой вспыхивают огни, не отражающиеся в её чёрной поверхности.

Люциус не верил в большинство подобных историй.

Но ни одну из этих историй он не мог позволить себе просто отбросить.

– Соберите все образцы, – приказал он. – Из разных участков. Отдельно листья, корни, почву и воду. Ничего не смешивать.

– Уже сделано, Ваша Милость.

– Отправьте часть образцов в городскую лабораторию, остальное – в старую лабораторию при западной башне. Не вносите их в общий реестр.

Артур поднял глаза.

– Вы хотите провести тайное исследование?

– Мне нужны ответы раньше, чем их начнут покупать наши кредиторы.

На обратном пути к экипажу Люциус заметил рабочих.

Несколько человек вытаскивали из земли погибшие кусты. Рядом стояла телега, доверху нагруженная почерневшими корнями. Один из рабочих держал на руках мальчика лет десяти.

Ребёнок кашлял.

Лицо ребёнка было бледным; на шее проступали тонкие сероватые пятна.

Люциус остановился.

– Кто это?

Управляющий плантацией, Ренальд, поспешил навстречу.

– Сын одного из рабочих, Ваша Милость. Приболел. Ничего серьёзного.

– Он работал на участке?

– Нет. Пришёл к отцу.

Люциус посмотрел на ребёнка.

– Отведите его в лечебницу. Пусть его осмотрит лекарь.

– Но лечебница находится в другом конце дельты...

– Тогда отправьте экипаж.

Ренальд поклонился.

– Конечно.

Люциус уже собирался идти дальше, когда услышал голос мальчика.

– Дедушка говорил, что листья шепчутся.

Он говорил тихо, почти беззвучно.

Отец попытался заставить его замолчать.

– Не обращайте внимания, Ваша Милость. У него жар, он бредит.

Люциус посмотрел на корзину с поражёнными листьями.

– Что он сказал?

– Ничего, – поспешно ответил рабочий. – Просто ребёнок.

Мальчик поднял голову.

– Ночью они шуршат. Даже когда ветра нет.

Артур медленно повернулся к нему.

– Что именно шуршит?

– Листья.

Ренальд резко схватил ребёнка за плечо.

– Хватит!

Люциус поднял руку.

– Не трогайте его.

Управляющий замер.

– Он болен, Ваша Милость. Мальчишка не понимает, что говорит.

– Тогда ему будет несложно повторить это лекарю.

Люциус велел отправить мальчика в лечебницу вместе с отцом. Затем повернулся к управляющему.

– Сколько работников заболело?

– Несколько человек. Обычная лихорадка. Здесь сыро, влажный климат...

– Я спросил, сколько.

– Двенадцать, Ваша Милость.

– И вы не сочли нужным сообщить мне?

Ренальд побледнел.

– Мы не знали, связано ли это с плантациями.

– Теперь знаете?

– Нет.

– Тогда почему скрывали?

Управляющий опустил голову.

– Я боялся, что вы остановите работы.

Люциус несколько секунд смотрел на него.

– Сколько времени вы не выплачивали рабочим жалованье?

– Ваша Милость...

– Сколько?

– Две недели.

Артур отвернулся.

Люциус ощутил, как нарастает раздражение.

– Вы задерживали выплаты людям, которые ежедневно работают на заражённых участках?

– Средств не хватало. После последней проверки...

– Не оправдывайтесь.

Он достал из внутреннего кармана небольшой кожаный кошель и бросил его управляющему.

– Выплатите людям всё, что им причитается. Из моих личных средств. Завтра утром я хочу видеть полную ведомость: работники, их семьи, заболевшие.

– Да, Ваша Милость.

– И ещё. До моего следующего распоряжения никто не покидает плантацию без разрешения лекаря. Не для того, чтобы держать людей силой, а чтобы не дать неизвестной заразе разойтись дальше.

Ренальд кивнул.

Люциус направился к экипажу.

За его спиной продолжали вытаскивать мёртвые растения.

Карета двигалась по деревянному настилу, проложенному над болотистой частью дельты.

За окнами проплывали сторожевые башни, склады и небольшие поселения Лиги. У берегов покачивались грузовые баржи. Их днища затянуло тёмным налётом, а на носах висели медные амулеты – защита от речных духов и дурных испарений.

Люциус относился к подобным вещам скептически.

Но он знал: речники не выйдут на воду без этих амулетов. Несколько лет назад один капитан решил сэкономить на защитных знаках. Его баржа исчезла в тумане, а через три дня к берегу прибило пустой корпус.

Никаких следов экипажа не нашли.

С тех пор Лига оплачивала работу храмовых мастеров, которые раз в год обновляли знаки на речных судах.

Карета качнулась на стыке настила.

Люциус открыл папку, которую забрал у секретаря перед поездкой.

Внутри находились последние биржевые сводки.

Последние две недели срочные контракты на Слёзный корень заключались по предельным ценам. Банки Гарма скупали обязательства Лиги, рассчитывая на бесперебойные поставки в течение ближайших трёх лет.

Окхейвен заложил под будущий урожай портовые склады, часть таможенных пошлин и несколько старых судоверфей.

Система была сложной, но прибыльной.

Пока урожай был.

Люциус перевернул страницу.

Внизу стояла отметка Железного Банка Гарма: дополнительная гарантия исполнения обязательств.

Он закрыл глаза.

Если поражение уничтожит хотя бы треть плантаций, Лига не выполнит всех обязательств. Если погибнет половина – банки потребуют досрочно вернуть долги. Если исчезнет весь урожай, Окхейвен лишится не только доходов, но и возможности покупать за границей зерно, уголь и металл.

А без зерна города начнут голодать.

Без очищенного Слёзного корня лечебницы перестанут справляться с Пепельной болезнью.

Первыми пострадают бедные кварталы. Затем – портовые рабочие, матросы и солдаты. А после болезнь доберётся и до тех, кто привык считать себя защищённым золотом.

Люциус знал, как быстро общество забывает о законах, когда заканчивается хлеб.

Он открыл следующую папку.

В ней лежали расчёты по стратегическим резервам.

Трёхлетний запас Слёзного корня хранился в подземных складах Гарма. Качество сырья уже не отвечало нынешним требованиям, но при надлежащей обработке часть его ещё можно было спасти.

Алхимики называли этот процесс повторным связыванием.

Старый экстракт нагревали в закрытой медной чаше, добавляли свежий дистиллят и немного очищенного Ихора. Затем смесь выдерживали под защитными знаками, пока молочный осадок не приобретал нужную плотность.

Процесс был дорогим.

И опасным.

Ошибка в пропорциях могла лишить смесь целебных свойств или вызвать тяжёлую реакцию у больного.

Но другого выхода у Люциуса пока не было.

В Гарм они прибыли после заката.

Город встретил Первого Консула привычным гулом.

Гарм был финансовым сердцем Лиги. Здесь заключали торговые соглашения, выдавали займы, продавали долговые обязательства и определяли цену товаров, которые ещё не покинули складов.

Улицы здесь были шире, чем в большинстве городов Окхейвена. На главных площадях высились банки, торговые дома и страховые конторы. На крышах горели алхимические фонари, над входами висели гербы богатейших семейств.

У здания Центральной биржи толпились люди.

Купцы спорили с менялами и посредниками, посыльные лавировали между экипажами, а у бокового входа дежурили вооружённые охранники.

На табло котировок цена Слёзного корня успела вырасти ещё на три пункта.

Он сжал челюсть.

– Они уже что-то знают, – сказал он.

Секретарь, сидевший напротив, выглянул в окно.

– Возможно, слухи о задержке караванов.

– Слухи редко возникают сами по себе.

– Прикажете проверить?

– Уже поздно. К утру узнаем, кто их распускает.

Карета остановилась у здания консульства.

Люциус вышел и направился внутрь.

Совет Лиги ещё не собрался, но несколько старших чиновников уже находились в здании.

Первый Консул прошёл в свой кабинет, снял плащ и положил папку на стол.

На стене висела большая карта торговых путей. Красным были отмечены маршруты Слёзного корня, синим – зерновые караваны, золотым – морские пути.

Люциус долго смотрел на карту.

Затем вызвал секретаря.

– Подготовьте три распоряжения.

– Слушаю, Ваша Милость.

– Первое. Приостановить продажу стратегических запасов Слёзного корня частным торговым домам. Всё, что осталось, передать под контроль консульства.

– Второе?

– Запретить вывоз свежего урожая за пределы Лиги до окончания проверки плантаций. Исключение – государственные поставки.

– Это вызовет недовольство купцов.

– Пусть недовольны.

– Третье?

Люциус посмотрел на карту.

– Создать отдельную комиссию для исследования поражённых участков. Без публичного объявления. Включить в неё агрономов, алхимиков и двух представителей городской лечебницы.

– Как назвать комиссию?

– Никак. В документах укажите обычную проверку качества урожая.

Секретарь записал распоряжения.

– И ещё, Ваша Милость. Банкиры Гарма запросили встречу.

Люциус не поднял головы.

– Кто именно?

– Представители трёх крупных домов. Они обеспокоены изменением сроков поставок.

– Они обеспокоены своими деньгами.

– Разумеется.

– Передайте, что я встречусь с ними завтра.

Секретарь поклонился и вышел.

Люциус остался один.

Он подошёл к карте и провёл пальцем вдоль южного маршрута. Затем остановился у небольшого знака на пересечении трёх торговых дорог.

Там находился главный склад стратегических резервов.

Если придётся пустить в дело старый урожай, распределение начнётся именно отсюда.

Но сначала нужно было понять, сколько ещё осталось времени.

Ночью на плантациях Мордрейка начали гореть костры.

Рабочие вытаскивали поражённые кусты вместе с корнями, складывали их в глубокие ямы, заливали особым составом, засыпали сухой золой и поджигали.

Огонь должен был уничтожить грибницу.

Так предписывали старые инструкции.

Однако в этот раз пламя вело себя странно.

На нескольких участках огонь горел почти бесцветно. Серебристые нити, попадая в пламя, не вспыхивали: они медленно темнели и сворачивались, словно высыхающие жилы.

Один из рабочих попытался бросить в костёр дополнительную охапку корней.

Пламя резко вытянулось вверх.

Мужчина отшатнулся.

На миг над костром проступило бледное подобие человеческого лица. Ни глаз, ни рта – только смутные впадины, окружённые дымом.

Затем видение исчезло.

Рабочие отступили.

Старший надсмотрщик перекрестился и велел никому не приближаться к костру.

До рассвета оставалось несколько часов.

К утру от сожжённых кустов осталась только чёрная земля.

А глубоко во влажной почве серебристая паутина продолжала расти.

Люциус не спал.

Он сидел в своём кабинете и перечитывал финансовые сводки. На столе стояла чашка давно остывшего чая. Рядом лежал запечатанный отчёт из западной лаборатории.

В нём сообщалось, что часть образцов Слёзного корня утратила способность вступать в привычную алхимическую реакцию. В других случаях реакция становилась чрезмерной и повреждала защитные знаки.

Причина оставалась неизвестной.

Люциус отложил отчёт.

За окном прошёл ночной караул.

Ветер ударил в ставни.

И тогда он услышал шелест.

Сначала решил, что это дождь. Но дождя не было. Затем подумал о бумагах на столе, однако все окна были закрыты.

Звук повторился.

Сухой, едва различимый.

Словно тысячи невидимых пальцев перебирали остывшую серую золу.

Люциус поднялся и подошёл к окну.

Гарм лежал внизу, освещённый десятками алхимических фонарей. Город выглядел спокойным. На крышах мерцали защитные знаки, над башнями банков поднимался тонкий дым.

Ничего необычного.

Он вернулся к столу и взял отчёт.

На последней странице лежала небольшая зарисовка поражённого корня. Серебристые нити сплетались вокруг него в сложный узор.

Люциус долго рассматривал рисунок.

Затем достал чистый лист и написал несколько слов:

«Установить причину. Не допустить паники. Сохранить запасы».

Он поставил подпись.

За окном снова прошёл ветер.

А далеко отсюда, в болотах Мордрейка, среди погибших кустов Слёзного корня серебристая грибница медленно оплетала очередной живой корень.

Глава 3. Скрип металла

В Железном княжестве Каэл рассвет никогда не приносил тепла.

Он лишь вырезал из сизого высокогорного тумана чёрные зубцы отвесных скал. Постепенно проступали уступы, мосты и подвесные галереи, цеплявшиеся за горные стены. На склонах темнели пятна древнего шлака; в трещинах камня поблёскивали серебристые кристаллы. Возле старых выработок воздух порой отливал странной зеленью.

Местные называли это дыханием горы.

Алхимики предпочитали выражение «остаточное присутствие Ихора».

Жители Каэла привыкли к металлическому привкусу во рту, серой пыли на подоконниках и к тому, что после долгой смены у некоторых рабочих темнели суставы. Здесь никто не рассчитывал прожить жизнь, не расплатившись за неё собственным телом.

Форт-Гроза стоял в чаше потухшего вулкана, на высоте около трёх с половиной тысяч метров. Башни поднимались над внутренними уступами, жилые кварталы спускались по склонам один за другим. Их связывали грузовые линии, паровые подъёмники и узкие мосты.

Всё это составляло Сеть Векторов.

Это была не просто транспортная система. Сеть связывала шахты, литейные дворы, склады, жилые уровни и внешние перевалы. По ней перевозили уголь, руду, зерно, инструменты и людей. От исправности каждого узла зависела жизнь тысяч горожан.

Но Сеть была старше самого княжества.

Под современными опорами скрывались древние основания из неизвестного сплава. В некоторых местах каменные плиты имели грани такой точности, какой не могли добиться даже лучшие каэльские мастера. На них сохранились знаки Предтеч – глубокие борозды, заполненные тёмным веществом, не высыхавшим и не смывавшимся дождём.

Инженеры называли такие места корнями.

Старые горцы говорили, что гора держит их на себе.

Рурик Скель не верил ни в то ни в другое. Он верил расчётам, исправным механизмам и людям, которые знали своё дело.

Но сегодня утром даже расчёты не давали ему оснований для спокойствия.

Он стоял на открытой смотровой площадке Последнего Уступа и чувствовал через подошвы сапог слабую дрожь камня.

Сеть работала.

Однако её привычный ритм изменился.

Обычно утренняя вибрация подъёмников и грузовых линий сливалась в ровное, почти незаметное биение. Теперь ритм сбивался. Камень под ногами вздрагивал, затем на несколько секунд затихал, словно где-то в глубине горы огромный механизм пытался перевести дыхание.

Рурик положил ладонь на холодные перила.

Из нижних ярусов донёсся скрежет.

Долгий, протяжный, неприятный звук. Он прокатился по склону, отразился от скал и ушёл в ущелье.

Рурик не обернулся.

– Слышишь, Ганс?

За его спиной стоял Ганс, старший сменный мастер Сети. Коренастый мужчина с тяжёлым лицом; белёсые глаза были повреждены годами работы возле алхимических котлов.

Ганс держался за латунную трубу. На его пальцах проступали тёмные чешуйки Пепельной болезни.

– Слышу, князь.

– Что это было?

– Южный анкер. Или западная опора. Пока не скажу точно.

– Ты отвечаешь за всю Сеть.

– А Сеть, князь, давно перестала помещаться в голове одного человека.

Рурик повернулся.

Ганс выдержал его взгляд.

– Нагрузка выросла на четверть. Грузовые линии перегружены, на трёх участках пошли микротрещины. Давление в старых каналах падает, тормозные узлы перегреваются. Металл не просто износился. Он меняется.

– В какую сторону?

– В плохую.

– Ганс.

Старик вздохнул.

– Древний сплав кристаллизуется. Внутри анкерной балки появились серебристые прожилки. Они тянутся от сердцевины к поверхности. Если процесс не остановить, балка утратит упругость.

– Насколько быстро?

– На прошлой неделе трещины были меньше.

Рурик посмотрел на нижние ярусы.

За туманом виднелись подъёмные башни. По канатам медленно ползли грузовые гондолы. Одна остановилась на середине пути, дёрнулась и снова двинулась вперёд.

– Почему я узнаю об этом только сейчас?

– Потому что мы надеялись справиться.

– Вы?

– Я, мои мастера и все, кто ещё способен держать инструмент.

Рурик ничего не ответил.

Ганс указал на массивную анкерную балку, уходившую в тело скалы.

– Подойдите, князь. Посмотрите сами.

Балка была частью старого крепления внешней грузовой галереи.

Поверхность покрывал толстый слой защитного состава, растрескавшийся в нескольких местах. Из-под него проступали тонкие серебристые нити.

Рурик присел.

– Когда заметили?

– Три дня назад.

– Почему не остановили линию?

– Потому что она держит два соседних участка. Если снять нагрузку неправильно, потянет остальные крепления.

– А если оставить?

– Может выдержать месяц. Может, неделю. Может, до вечера.

Ганс достал из сумки небольшой молоток с плоским медным наконечником.

– Смотрите.

Он трижды ударил по балке.

Первый удар отозвался глухо.

Второй дал тонкий звон.

После третьего из глубины металла пришёл звук, похожий на короткий вздох.

Рурик нахмурился.

– Это не похоже на обычную трещину.

– Потому что это не обычная трещина.

Ганс приложил к балке ладонь.

Серебристые прожилки под его пальцами на миг засветились. В глубине металла что-то дрогнуло, и по поверхности прошла едва заметная волна. Казалось, сталь не была твёрдой – будто внутри неё двигалась жидкость.

Ганс резко убрал руку.

– Видели?

– Видел.

– Так происходит уже вторую неделю. Иногда металл отвечает на прикосновение, иногда гудит без нагрузки. Вчера молодой мастер приложил к балке железный щуп – и тот почернел у него в руке.

– Щуп был чистым?

– Проверили.

– А мастер?

– Жив. Но теперь не чувствует двух пальцев.

Рурик провёл рукавицей по поверхности.

Металл был холодным.

Затем он почувствовал жар.

Не снаружи – изнутри. Словно под толстым слоем стали проходил раскалённый поток, которому некуда было выйти.

Рурик убрал руку.

Он помнил похожий случай на старой шахтной опоре. Тогда пришлось разобрать половину галереи, чтобы добраться до повреждённого участка. Трое рабочих погибли, когда неожиданно раскололась каменная плита.

– Что говорят геоманты?

– Двое отказываются спускаться к узлу. Третий утверждает, что древняя опора потеряла равновесие.

– Какое ещё равновесие?

– Между камнем и металлом. Говорит, что старые знаки больше не удерживают напряжение.

– Он объяснил, что это означает?

– Сказал, что гора больше не принимает нагрузку.

Рурик посмотрел на мастера.

– И ты поверил?

– Я видел, как у него из носа пошла кровь, когда он попытался прочитать знаки.

Старик убрал молоток.

– Мне достаточно.

На Последнем Уступе располагался небольшой павильон управления грузовыми линиями. Его стены были сложены из тёмного камня, а крыша покрыта листами меди. Внутри постоянно пахло угольной пылью, машинным маслом и горячим металлом.

На стене висела схема Сети Векторов.

Красным были отмечены повреждённые участки, жёлтым – линии, работавшие с ограничением нагрузки. Чёрные кресты указывали места, где движение уже остановили.

Рурик подошёл к схеме.

– Докладывай.

Ганс развернул листы.

– Главная грузовая линия работает на восьмидесяти процентах расчётной мощности. Западный подъёмник – на семидесяти. Южная ветка ещё держится, но тормоза требуют замены. На Каньоне Бальдра восстановили движение после аварии.

– Потери?

– Два человека получили тяжёлые ожоги. Один сломал ногу. Гондолу удалось удержать.

– Причина?

– Заклинивание тормозного механизма.

– Почему?

– Смазка.

Рурик закрыл глаза.

– Сколько раз я спрашивал о масле?

– Много, князь.

– И сколько раз мне обещали решить проблему?

– Тоже много.

Ганс положил на стол небольшой металлический цилиндр.

– Вот то, чем мы смазываем узлы сейчас.

Рурик открыл крышку.

Внутри находилась густая чёрная масса.

– Технический жир?

– С добавлением шлама из нижних скважин. Чистая алхимическая выжимка почти закончилась. Остатки берегут для важнейших механизмов и военных складов.

– Почему жир не работает?

– На холоде густеет. Забивает каналы. В некоторых местах приходится прогревать его вручную.

– А чистый Ихор?

– Чистый Ихор слишком агрессивен для старых прокладок. Разъедает уплотнения, а иногда вызывает непредсказуемую реакцию в металле.

– Значит, мы не можем использовать ни одно, ни другое.

– Можем. Но каждое решение сокращает срок службы механизмов.

Рурик провёл пальцем по краю цилиндра.

– Сколько осталось хорошей смазки?

– На две недели при нынешней нагрузке. Если сократить перевозки, хватит на месяц.

– А если увеличить?

– На несколько дней.

Рурик вернул цилиндр на стол.

– Что с военным углём?

– Запас сокращается. Мы используем его для обогрева узлов, но его должно хватить на две недели.

– А шахты?

– Работают.

– Не спрашивал, работают ли они. Сколько дают?

– Семьдесят процентов от прежнего объёма.

– Почему?

– Два нижних забоя закрыты. В одном обрушение, в другом воздух стал непригодным для работы.

Рурик посмотрел на схему.

Сеть напоминала огромную паутину, натянутую между скалами. Каждая линия зависела от соседней. Стоило остановить один участок – нагрузка переходила на остальные.

– Если мы снимем нагрузку с южной ветки?

– Западный подъёмник не выдержит.

– Если разгрузим западный?

– Не сможем доставлять руду к литейным дворам.

– А если остановим часть шахт?

Ганс посмотрел на него.

– Тогда не выполним договор с Империей.

Рурик ничего не ответил.

Он и без того знал.

На нижнем рынке уже стояли очереди.

Площадь находилась между жилыми ярусами и грузовым двором. Здесь продавали хлеб, сушёное мясо, крупу, инструменты и дешёвую одежду для рабочих.

В обычные дни рынок начинал шуметь ещё до рассвета. Теперь люди говорили тише.

У хлебной лавки стояла женщина в сером платке. В руках она держала две медные монеты.

– Больше не дам, – сказал пекарь. – Мука дорожает.

– Вчера было дешевле.

– Вчера было вчера.

– У меня трое детей.

– А у меня мука сама собой не появляется.

Женщина положила монеты на прилавок.

Пекарь взял их, но хлеб не отдал.

– Этого не хватит.

Рядом стоял мальчик лет восьми. Он смотрел на буханки, не произнося ни слова.

Рурик остановился.

Его сопровождали двое гвардейцев и Ганс.

– Почему не отдаёшь? – спросил князь.

Пекарь поднял голову и побледнел.

– Ваше Высочество...

– Я спросил, почему.

– Цена изменилась. Мука приходит с перебоями, а уголь для печей теперь обходится дороже.

– Кто установил новую цену?

– Никто. Я сам.

Рурик посмотрел на женщину.

– Сколько тебе нужно?

– Две буханки, князь.

Он достал из кошелька несколько монет и положил на прилавок.

– Отдай ей хлеб. Остаток запиши на городской резерв.

Пекарь поспешно завернул буханки.

– Благодарю, князь.

Рурик не ответил.

Женщина забрала хлеб и прижала его к груди.

– Да хранит вас гора.

Рурик продолжил путь.

Ганс шёл рядом.

– Это не решит проблему, – сказал Ганс, когда они отошли.

– Я знаю.

– Завтра таких женщин будет больше.

– Знаю.

– А через неделю...

– Ганс.

Мастер замолчал.

Рурик остановился возле грузового узла. Рабочие вручную перекатывали ящики с углём: подъёмник стоял, а двое мастеров пытались снять заклинившую тормозную колодку.

– Сколько людей на смене? – спросил князь.

– Двадцать четыре.

– Почему не больше?

– Остальные работают в шахтах.

– Сколько можно перевести сюда?

– Если снять людей с западной линии, можно добавить ещё десять.

– Сделай это.

– Тогда западная линия...

– Я знаю, что будет с западной линией.

Рурик посмотрел на рабочих.

– Но если подъёмник окончательно встанет, у нас не будет ни угля, ни руды.

Ганс кивнул.

К полудню Рурик вернулся в павильон управления.

На столе лежали новые донесения.

Одно касалось состояния шахт. Другое – поставок зерна. Третье было из имперской канцелярии.

Рурик вскрыл последнее.

Текст был коротким.

Империя подтверждала получение металла, но требовала сохранить прежние объёмы поставок. Дополнительные заявки Каэла на зерно отклонялись до восстановления графика.

Рурик перечитал письмо.

– Они уже решили.

Ганс стоял у двери.

– Что там?

– Империя не даст нам больше зерна.

– Но мы и так выполняем договор.

– Пока выполняем.

– Значит, нужно объяснить им положение.

– Я объяснял.

– Тогда отправьте ещё одного посланника.

Рурик посмотрел на него.

– Ты думаешь, они не понимают?

Ганс промолчал.

– Они понимают. Им просто выгодно, чтобы мы продолжали работать.

Князь отложил письмо.

– Если мы перестанем поставлять металл, они сократят зерно ещё сильнее. Если мы остановим шахты ради ремонта, нам нечем будет кормить нижние ярусы. Если продолжим работать, Сеть развалится.

– Есть ещё один вариант.

– Какой?

– Начать ремонт с южных узлов и временно закрыть часть линий.

– Сколько времени?

– Месяц. Может быть, два.

– И что будет с поставками?

– Сорвём график.

– Тогда Империя прекратит зерновые поставки.

Ганс опустил глаза.

Рурик поднялся.

– Я не стану выбирать между голодом и обвалом, пока ещё можно удержать и то и другое.

– Возможность?

– Пока.

Он подошёл к карте.

– Перераспредели нагрузку. Западную ветку оставь только для руды. Южную – для зерна и людей. Все второстепенные перевозки остановить. Грузовые гондолы проверять после каждого рейса.

– Это увеличит время доставки.

– Зато снизит риск обрыва.

– Потребуется больше рабочих.

– Переведи людей с закрытых участков.

Ганс посмотрел на него с сомнением.

– А если узлы продолжат разрушаться?

Рурик не ответил сразу.

– Тогда будем решать по мере появления проблем.

После полудня к павильону прибыл геомант.

Его звали Орен. Он был невысоким, худым мужчиной с выцветшими волосами и руками, покрытыми тонкими шрамами. На шее висел круглый каменный амулет, испещрённый древними знаками.

Орен не был колдуном в привычном понимании. Он не метнул бы огненный шар и не поднял камень одним движением руки. Его ремесло состояло в другом: чувствовать напряжение древних горных узлов, замечать перемены и проводить обряды, помогавшие конструкциям сохранять равновесие.

За такую работу платили дорого.

И всё равно специалистов оставалось мало.

– Князь, – произнёс Орен, склонив голову.

– Что с узлом?

– Он болен.

Ганс раздражённо фыркнул.

– Опять эти слова.

Орен посмотрел на него.

– Ты можешь назвать это трещиной, усталостью металла или нарушением давления. Но от этого причина не изменится.

– Причина в том, что мы гоняем по старым трубам грязный Ихор.

– Не только.

Геомант положил ладонь на стол.

Каменный амулет на его груди едва заметно засветился.

– Старые узлы были связаны с породой. Ихор проходил через них не как топливо. Он поддерживал то, что мастера Предтеч называли связью камня.

– Что это значит? – спросил Рурик.

– Не знаю. Никто из нас не знает. Но стоит составу Ихора измениться, как узлы начинают отвечать.

– Как именно?

– Они теряют согласие друг с другом.

Ганс покачал головой.

– Слова.

Орен не обратил на него внимания.

– Вчера я спустился к западному основанию. Камень там дрожал, хотя все механизмы были остановлены. Я приложил амулет к стене и услышал звук.

– Какой?

– Будто кто-то стучал изнутри.

Рурик посмотрел на него.

– Ты уверен?

– Да.

– Что ты предлагаешь?

– Остановить участок и провести обряд связывания.

– Сколько времени?

– Три дня.

– Сколько людей?

– Шесть мастеров. И очищенный Ихор.

Ганс резко повернулся.

– Сколько?

– Не меньше двух унций.

– У нас нет двух унций!

– Тогда узел продолжит разрушаться.

– А если мы отдадим тебе две унции, нам нечем будет поддерживать очистители воздуха в нижних шахтах.

Орен опустил руку.

– Я не могу изменить это.

Рурик посмотрел на обоих.

– Сколько даст обряд?

– Если повезёт, несколько месяцев.

– А если нет?

Орен помолчал.

– Тогда узел может окончательно отторгнуть металл.

– Что произойдёт?

– Никто не знает.

Рурик подошёл к карте.

Он видел, как одна повреждённая опора тянет за собой соседнюю. Как попытка сохранить одну часть Сети заставляет жертвовать другой. И как с каждым решением запас прочности становится всё меньше.

– Обряд пока не проводить, – приказал он. – Подготовить мастеров. Осмотреть соседние узлы. Никакого вмешательства без моего разрешения.

Орен склонил голову.

– Как прикажете.

К вечеру ветер усилился.

Рурик вернулся на Последний Уступ.

Внизу продолжали работать подъёмники. Грузовые гондолы двигались медленнее обычного. На некоторых участках рабочие вручную подтягивали канаты, помогая механизмам преодолевать сопротивление.

На дальнем уступе горели зелёные алхимические факелы.

Их свет был тусклым, почти мёртвым.

Рурик смотрел на город и думал о зерне.

О двадцати тысячах мешков, которые должны были прийти в следующем месяце. О складах, где запасов оставалось ненадолго. О людях, не знавших, что их жизнь зависит от нескольких сотен тонн металла и решений, принятых далеко на юге.

Он знал, что делает неправильный выбор.

Но не видел правильного.

За спиной послышались шаги.

Ганс подошёл к перилам.

– Мы усилили смены. Дополнительные рабочие уже распределены.

– Хорошо.

– Лучший уголь отправлен к южным узлам. Часть чистой субстанции передана мастерам.

– Сколько осталось?

– На двое суток, если расходовать экономно.

Рурик кивнул.

– А если не хватит?

– Тогда придётся выбирать, какие узлы оставить без поддержки.

Князь посмотрел на него.

– Сколько времени у нас есть до настоящих морозов?

– Три недели.

Рурик опустил глаза.

– Значит, у нас три недели.

Ганс не ответил.

Внизу, в глубине ущелья, раздался новый скрежет.

На этот раз он был короче.

Но гораздо громче.

Оба мужчины повернулись к источнику звука.

Одна из подвесных гондол остановилась посреди линии. Корпус качнулся и замер. На мгновение канат и крепления отозвались серебристым светом.

Рабочие на соседней площадке отступили.

Из анкерной опоры вырвалась тонкая струя белёсого пара.

– Чёрт, – выдохнул Ганс.

Рурик схватился за перила.

Канат натянулся, словно его тянули с противоположных концов. Металл застонал.

Потом свет погас.

Гондола медленно двинулась дальше.

Никто не произнёс ни слова.

Рурик долго смотрел на исчезающий в тумане груз.

– Сколько человек внутри?

– Шестеро.

– Проверить всех. Немедленно.

Ганс уже направлялся к лестнице.

– Будет сделано.

Рурик остался на площадке.

Он положил ладонь на каменные перила. Слабая вибрация шла из глубины горы, проходила через камень и уходила туда, где под толщей породы скрывались древние узлы Предтеч.

На мгновение ему показалось, что гора отвечает на прикосновение.

Не словами.

Не голосом.

Просто тяжёлым, глубоким движением, которое невозможно было принять за обычную работу механизмов.

Рурик убрал руку.

Он не любил мистических объяснений. Они не чинили канаты, не кормили детей и не возвращали погибших.

Но сегодня он впервые подумал: Каэл может потерять не только свою Сеть.

Возможно, сама гора больше не желала держать на себе их город.

Глава 4. Тени в архивах

Архивы Большого совета пахли сырым камнем, старой бумагой и кислыми чернилами. В подземельях имперской цитадели время измеряли не годами правления, а толщиной пыли на полках и весом долговых обязательств, о которых давно предпочли забыть.

Сайлас Вейн спускался по узкой лестнице, придерживаясь за стену. Камень под ладонью был влажным и холодным. В него через равные промежутки вделали тонкие серебряные жилы – защитные знаки, которыми архивисты пользовались ещё до рождения нынешнего императора. Серебро потемнело и покрылось зелёным налётом, но местами всё ещё поблёскивало.

На каждом повороте горели масляные светильники. Их пламя оставалось ровным, пока проходил Сайлас. Стоило Нолану с тяжёлой стопкой книг показаться следом, как огонь в ближайших плошках начинал мелко дрожать.

– Осторожнее, господин инквизитор, – пробормотал писарь. – Здесь ступень обломана.

Сайлас посмотрел под ноги. Камень был расколот: трещина шла не сверху вниз, как при обычном износе, а расходилась от стены тонкими ветвями. В глубине разлома мерцала серебристая пыль.

– Давно?

– Не знаю. Я сюда каждый день не хожу.

– А кто ходит?

Нолан замялся.

– Архивисты. Иногда храмовые служители. По разрешению.

– И никто не заметил трещину?

– Я передам смотрителю.

Сайлас ничего не ответил.

Они миновали последнюю лестницу и вышли в длинный коридор. За массивными дубовыми дверями хранились реестры распределения Ихора, храмовые ведомости, отчёты алхимических цехов и распоряжения императорской канцелярии. Здесь лежали свидетельства того, кому доставалась эта субстанция, кто за неё платил и кто распоряжался остатками.

Сайлас остановился перед дверью, покрытой выцветшими защитными знаками.

– Ключ.

Нолан поспешно достал связку.

– Этот, господин.

– Нет.

– Простите?

Инквизитор указал на замочную скважину. Вокруг неё темнело небольшое пятно, похожее на копоть.

– Кто-то открывал дверь.

– Но ключи только у смотрителя и старшего архивиста.

– Значит, один из них открыл.

– Может быть.

Сайлас повернул голову.

– Ты всегда так отвечаешь?

Нолан покраснел.

– Я не знаю, господин инквизитор.

– Это уже лучше.

Он приложил к замку тонкий серебряный стержень, извлечённый из внутреннего кармана. Металл едва слышно звякнул. На миг по выцветшим знакам вокруг скважины пробежал тусклый багровый отсвет, а затем погас.

Сайлас нахмурился.

Защитная вязь была нарушена, но не разрушена и не выжжена. Её словно осторожно разомкнули изнутри. Грубая сила здесь не помогла бы: требовалось знание старых знаков и хотя бы немного очищенного Ихора.

– Кто-нибудь из архивистов умеет работать с печатями? – спросил он.

– Смотритель. Но только с простыми.

– А старший?

– Он умер прошлой зимой.

– Кто занял его место?

– Никто. Пока обязанности исполняет смотритель.

Сайлас убрал стержень.

– Открывай.

Внутри было холоднее, чем в коридоре.

Высокие шкафы из морёного дуба почти доставали до потолка. Между ними теснились узкие столы с раскрытыми книгами, каменными пресс-папье и стеклянными сосудами, в которых темнела жидкость. В углах стояли железные жаровни с давно остывшими углями.

Сайлас снял перчатки и подошёл к ближайшему столу.

На нём лежал реестр распределения чистой субстанции за март.

– Открывай на третьем секторе.

Нолан положил книги рядом и принялся листать страницы.

– Храм Святого Престола, – прочёл он. – Получено сто сорок унций очищенного Ихора.

– По накладным?

– Сто сорок.

– По отметке храмового распорядителя?

– Сто сорок.

– А по факту?

Писарь сверился с другой книгой.

– Сто десять. Недостача – тридцать унций.

Сайлас медленно провёл пальцем по строке.

– Кто принимал обоз?

– Храмовый служитель. Имя здесь указано.

– А кто сопровождал груз?

– Четверо из городской стражи.

– Где их отчёт?

Нолан перелистнул несколько страниц.

– Не вижу.

– И рапорта о нападении нет?

– Нет.

– Тогда откуда настоятель знает, что обоз разграбили?

Писарь пожал плечами.

– Он так написал в объяснении.

Сайлас поднял глаза.

– Ты его видел?

– Нет. Мне передали копию.

– Кто?

– Помощник смотрителя.

– Имя?

Нолан задумался, потом указал на подпись.

– Вот.

Сайлас наклонился над бумагой. Подпись выглядела аккуратной, но чернила на последней букве отливали красным.

Он поднёс к строке маленький стеклянный сосуд на цепочке под воротником. Капля очищенного Ихора внутри медленно сместилась к стенке, словно её потянуло к чернилам.

– Что это? – спросил Нолан.

– Молчи.

Сайлас открыл сосуд.

Капля не упала. Она вытянулась тонкой нитью и повисла над бумагой. Красноватые чернила под ней начали темнеть. На пергаменте проступили едва различимые следы прежней записи – не буквы, а бороздки, оставшиеся в волокнах после стёртого текста.

Сайлас наклонился ближе.

– Здесь было другое имя.

– Можно разобрать?

– Пока нет.

Сайлас капнул на пергамент немного воды. Красные чернила расплылись, но скрытая запись осталась. Тогда он провёл над ней серебряным стержнем.

По бумаге пробежала дрожь. Края листа потемнели; из волокон поднялся тонкий серый дымок, пахнувший жжёным сахаром.

Нолан отступил.

– Она горит?

– Нет. Чернила сопротивляются.

– Такое бывает?

– Теперь знаю, что бывает.

Сайлас закрыл сосуд. Нить Ихора втянулась обратно, но капля ещё несколько мгновений билась о стекло, оставляя на нём багровые следы.

Инквизитор осторожно отделил страницу от переплёта.

– Кто-то изменил запись после того, как её внесли.

– Зачем?

– Вот это мы и выясним.

Работа заняла несколько часов.

Сайлас работал неторопливо. Сверял храмовые ведомости с транспортными накладными, проверял подписи, сопоставлял даты выдачи и возврата сосудов. Нолан подавал книги, записывал номера страниц и перепроверял суммы.

Сначала всё походило на обычное воровство. Несколько храмов получали меньше положенного, алхимические цеха сообщали о разбитых сосудах, а перевозчики списывали потери на плохие дороги.

Но затем обнаружилась закономерность.

Недостачи возникали не в пути. Они появлялись ещё до того, как сосуды покидали государственные хранилища.

В одних книгах значилось, что Ихор очистили и разлили по ампулам. В других – что его уже отправили. Но между этими записями не было ни одного документа о передаче.

Сайлас разложил несколько ведомостей на столе.

– Посмотри на даты.

Нолан наклонился.

– Здесь двенадцатое марта. Здесь четырнадцатое. А это пятнадцатое.

– Что между ними?

– Не понимаю.

– Двенадцатого числа цех получил разрешение на очистку. Четырнадцатого отчитался о готовности. А пятнадцатого сосуды уже числятся переданными храму. Где запись о том, кто их забрал?

Нолан пролистал страницы.

– Её нет.

– А в соседнем реестре?

– Тоже нет.

– Значит, на бумаге сосуды оказались в храме, хотя никто их туда не передавал.

– Но храм утверждает, что получил Ихор.

– И просит следующую поставку.

Нолан медленно выпрямился.

– Получается, они…

– Пока ничего не получается. У нас есть несоответствия, но нет виновных.

Сайлас взял одну из накладных и поднёс к светильнику.

В толще бумаги блеснула тонкая серебряная нить. Она проходила между волокнами и огибала печать.

– Интересно.

– Что там?

– Не трогай.

Сайлас осторожно поддел нить ногтем. Та не поддалась. Он достал из футляра небольшое лезвие и коснулся им бумаги.

Нить дёрнулась.

Из печати вырвался короткий багровый отблеск. На столе сухо щёлкнуло, и все светильники разом погасли.

Нолан вскрикнул.

Темнота продержалась несколько секунд. Когда огонь вернулся, на столе лежала накладная с обугленным краем. Серебряная нить исчезла.

Сайлас посмотрел на ладонь. На коже осталась тонкая красная полоса, словно от прикосновения к раскалённой проволоке.

– Это была защита? – спросил Нолан.

– Скорее, предупреждение.

– Для кого?

– Для того, кто станет проверять документы.

Он завернул накладную в чистую ткань.

– Больше ничего не трогай без моего приказа.

К полудню Нолан принёс ещё три книги.

В них обнаружились похожие расхождения. Они касались разных храмов, цехов и перевозчиков. Общим оставалось одно: все разрешения проходили через одну и ту же канцелярию.

Канцелярию, которую официально упразднили два года назад.

Сайлас откинулся на спинку стула.

– Кто подписывал эти разрешения?

Нолан проверил печати.

– Здесь разные имена.

– А печать?

Писарь сравнил оттиски.

– Одна и та же.

– Значит, кто-то пользуется старой матрицей.

– Но её должны были уничтожить.

– Должны были.

Сайлас поднялся и прошёл к дальнему шкафу. На корешках книг стояли годы, некоторые из них были старше самого Малакора. Он выбрал несколько томов, открыл один за другим и стал искать упоминания о закрытой канцелярии.

На третьем томе остановился.

Между страницами лежал узкий листок, вырванный из другого документа. На нём сохранилась часть таблицы выдачи Ихора и подпись, уже знакомая Сайласу.

Он провёл пальцем по краю бумаги.

Лист вырвали недавно: на месте разрыва ещё не успела осесть пыль.

– Нолан.

– Да, господин?

– Кто имеет доступ к этому шкафу?

– Смотритель. И старшие архивисты.

– Старших архивистов нет.

– Верно.

– Тогда кто?

Нолан побледнел.

– Я не знаю.

Сайлас перевернул лист. На обратной стороне проступал след печати: тонкая изломанная линия, перечёркнутая тремя короткими чертами.

Он некоторое время смотрел на неё, затем убрал лист во внутренний карман.

– Видел такой знак раньше?

Нолан помедлил.

– Кажется.

– Где?

– Возле долгового суда. На стене.

– Когда?

– Недели две назад.

– Кто его оставил?

– Не знаю. Я проходил мимо.

– И что ещё?

Писарь нервно потёр пальцы.

– Потом один служитель пропал. Но я не знаю, связано ли это с тем знаком.

– Ты видел, как его забрали?

– Нет. Просто… его больше не было.

– Имя?

– Не помню.

Сайлас некоторое время изучал его лицо.

– Ты плохо помогаешь собственному делу, Нолан.

– Я стараюсь, господин инквизитор.

– Я заметил, – ответил Сайлас. Впервые за весь день в его голосе прозвучало что-то похожее на усталое одобрение.

К вечеру в архиве стало совсем холодно.

Нолан ушёл за новой связкой ключей, а Сайлас остался один. Он вернулся к столу, где лежали три ведомости с одинаковыми расхождениями.

В комнате пахло старой бумагой и железом.

Инквизитор достал из футляра небольшой каменный диск. По краю шли семь тонких борозд, заполненных серебряной пылью. Старый следовой камень применяли в Ордене, чтобы находить остатки алхимического воздействия.

Сайлас положил диск на стол и ввёл в центральное углубление одну каплю Ихора.

Камень нагрелся. Сначала ничего не происходило. Затем серебряные борозды начали темнеть одна за другой. Когда потемнела последняя, диск отозвался низким звоном, похожим на далёкий колокол.

Сайлас приблизил его к ведомостям.

Над первой страницей ничего не изменилось.

Над второй поверхность диска покрылась тонкой испариной.

Над третьей серебряная пыль вспыхнула багровым светом.

Инквизитор задержал дыхание.

На бумаге проступил слабый отпечаток чужой печати. Он почти не отличался от официального, но вместо императорского знака в центре зияла пустота.

Сайлас перевернул страницу.

На следующей было то же самое.

Потом ещё на одной.

Кто-то оставлял в документах следы, невидимые при обычной проверке. Они предназначались не для того, чтобы их нашли, а для тех, кто знал, куда смотреть.

Следовой камень внезапно треснул.

Сайлас отдёрнул руку. По поверхности диска побежала тонкая чёрная трещина, а капля Ихора в углублении свернулась в тугой шарик. На миг она потемнела почти до черноты, затем распалась на несколько мелких капель.

Инквизитор накрыл камень металлической крышкой.

Он не знал, что именно произошло. Но теперь было ясно: речь шла не просто о подделке печатей. Кто-то применял алхимические средства, чтобы скрывать следы движения Ихора от тех, кто умел его распознавать.

И этот кто-то знал методы Ордена.

Когда Нолан вернулся, Сайлас уже собрал бумаги.

– Господин, смотритель спрашивает, когда вы закончите.

– Передай, что закончу, когда решу.

– Он просил не задерживать книги. Завтра утром их должны сверять.

– Тогда завтра утром их не будет.

Нолан замер.

– Я должен записать, что книги изъяты?

– Запиши, что книги изъяты на проверку по распоряжению инквизиции.

– А номер распоряжения?

Сайлас достал чистый лист и поставил печать.

– Теперь есть.

Писарь взял документ обеими руками.

– Что мне делать дальше?

– Ничего. И никому не рассказывать, что мы нашли.

– Даже смотрителю?

– Особенно ему.

Нолан кивнул и поспешно вышел.

Сайлас остался один.

Он вернулся к дубовой двери, чтобы проверить замок. Теперь на внутренней стороне косяка он заметил ещё одну отметину. Тонкая изломанная линия, три короткие черты.

Знак Шепчущих.

Он провёл по нему пальцем. Древесина была холодной, но под поверхностью чувствовалась слабая вибрация.

Инквизитор достал стилет и осторожно коснулся знака остриём.

Дерево ответило тихим стуком.

Сайлас отступил.

Он слышал о таком: старые защитные вязи могли сохранять след чужого прикосновения, а порой повторяли его, словно камень или дерево запоминали случившееся. Но здесь было иначе. Стук шёл не от двери – казалось, он доносился из самой толщи стены.

Три удара.

Пауза.

Ещё один.

Сайлас медленно убрал стилет.

Коридор встретил его тишиной.

У лестницы горел незнакомый светильник. Фитиль покачивался, хотя сквозняка не было. Сайлас направился к нему, не убирая руки с рукояти стилета.

На полу лежала капля воска. Рядом – свежий след сапога.

Инквизитор присел и коснулся отпечатка.

Пыль вокруг отпечатка была смята, но ещё не осыпалась. Здесь прошли совсем недавно.

Он поднялся и посмотрел на лестницу.

Вверху послышался короткий скрип.

Сайлас бросился вверх, но за поворотом увидел лишь пустые ступени. У стены лежал маленький клочок бумаги.

Он поднял его.

На клочке было всего четыре слова:

«Не всякая недостача – кража».

Почерк был незнакомым.

Сайлас перечитал фразу и медленно сложил бумагу.

Если это было предупреждение, оно пришло слишком поздно. Если угроза – слишком рано. А если приглашение, то он уже сделал первый шаг туда, куда его намеревались заманить.

За спиной раздался звук закрывающейся двери.

Инквизитор обернулся.

Дверь архивного помещения оставалась приоткрытой. Изнутри тянуло холодом, а светильники над столами теперь горели багровым пламенем.

Сайлас вернулся к двери.

На столе, среди оставленных книг, лежал конверт с чёрной печатью. Сайлас не заметил его, когда уходил. На воске повторялся тот же знак: изломанная линия и три черты.

Он сломал печать.

Внутри находился единственный лист.

«Прекратите искать то, чего не существует».

Сайлас перечитал записку дважды.

Затем поднёс её к пламени.

Бумага вспыхнула, но не обуглилась. По поверхности скользнула тонкая багровая полоса, и лист остался белым.

На нём медленно проступила новая строка:

«Иначе однажды вы поймёте, что искали не пропавший Ихор, а тех, кто оставил его вам».

Сайлас сжал бумагу.

В глубине архивов снова раздался стук.

На этот раз – из нескольких шкафов одновременно.

Он погасил светильник и вышел, оставив за собой тяжёлую дубовую дверь. До рассвета оставалось несколько часов, но Сайлас уже знал: этой ночью ему не уснуть.

Сеть затягивалась.

И всё ещё было неясно, кто в ней охотник, а кто – приманка.

Глава 5. Чернила и монеты

Вольный город Гарм не знал тишины.

Даже глубокой ночью каменные улицы гудели под колёсами повозок. В подвальных меняльных лавках звенели солиды, у причалов грузчики разгружали баржи при свете факелов. Над крышами висел кузнечный дым, из трактиров доносились пьяные песни, а у складских ворот часовые проверяли бумаги у обозчиков, спешивших попасть за стены до рассвета.

Гарм жил не по королевскому календарю, а по срокам погашения долгов.

Здесь продавали зерно, которого ещё не вырастили, металл, который ещё не добыли, и закладывали дома вместе с теми, кто в них жил. Законы определялись не коронами, а весом монеты и толщиной долговых книг. У каждой вещи была цена, у каждого обязательства – срок. И почти у каждого человека находилась сумма, ради которой он соглашался отступить от собственных слов.

Но одними деньгами власть Гарма не ограничивалась.

На перекрёстках старого города стояли каменные чаши с солью и железной стружкой. Купцы бросали туда медные монеты перед дальней дорогой, торговцы смазывали пороги маслом с золой, а владельцы крупных складов нанимали знатоков старых защитных знаков. Это давно перестало быть простым суеверием. После нескольких пожаров, в которых пламя обходило одни помещения и пожирало другие, даже убеждённые скептики предпочитали не экономить на оберегах.

Особенно если внутри хранился Ихор.

Железный Банк занимал целый квартал неподалёку от внутренней гавани. Его стены сложили из тёмного гранита, окна подняли высоко над землёй, а вход охраняли наёмники с тяжёлыми арбалетами и два безликих каменных изваяния. Говорили, что они стояли здесь ещё до основания нынешнего банка. Никто не знал, кто их высек и зачем, но каждую ночь между их ладонями вспыхивал слабый белый свет.

Внутри здания пахло воском, дорогой кожей и металлической пылью.

Маэстро Валуа, старший управляющий банка, не терпел шума за спиной. Он полагал, что человек, распоряжающийся чужими деньгами, должен уметь слушать тишину. Сегодня ночью тишину нарушал единственный посетитель.

Его гость предпочитал не попадаться на глаза имперским сыщикам.

Валуа провёл сухим пальцем по строкам пергамента. Долговая расписка была составлена безупречно и скреплена тяжёлой сургучной печатью старого имперского рода де Вальмонт. Она давала банку право описать рудники, лесные угодья и серебряные прииски в северных провинциях Валариса.

– Вы затягиваете петлю на собственной шее, Гаррик, – произнёс банкир, не поднимая глаз. – Дом де Вальмонт утонул в долгах. Император душит провинции налогами, на дорогах хозяйничают мародёры, а вы скупаете векселя рода с тридцатипроцентной скидкой. Неужели хотите стать владельцем дымящихся развалин?

Из тёмного угла кабинета донёсся тихий смешок.

– Развалины – неплохое место для нового фундамента, маэстро.

Гаррик сидел в глубоком кресле, за пределами жёлтого круга лампового света. На тёмном камзоле не было ни герба, ни знака отличия. Широкие поля дорожной шляпы скрывали лицо; руки спокойно лежали на подлокотниках.

Он не походил на человека, привыкшего угрожать. Скорее на того, кому редко приходилось прибегать к угрозам.

– Для фундамента нужен камень, а не песок, – Валуа наконец поднял глаза. – Мои люди в Этерне сообщают, что имперская канцелярия готовит указ о жёстких зерновых квотах. Если

Каэл остановит добычу из-за голода и забастовок, металл перестанет поступать в арсеналы. Поручительства де Вальмонта обесценятся прежде, чем высохнет сургуч.

Он подвинул расписку к собеседнику.

– Вы рискуете потерять больше, чем сможете возместить.

– Я не рискую, маэстро. Я считаю.

Гаррик чуть подался вперёд. Лампа осветила его лицо, но выражение осталось прежним – спокойным и почти равнодушным.

– Империя трещит не от нехватки золота. Её учреждения прогнили. Малакор болен, приближённые делят остатки власти, южные купцы прячут испорченный Слёзный корень по подвалам, а северные князья всё ещё отправляют металл в столицу в надежде получить зерно, которого им никто не обещал.

– И вы намерены заработать на их голоде?

– Я намерен пережить их голод.

Валуа брезгливо скривил тонкие губы.

– Вы замахиваетесь слишком высоко, Немой Ткач. Перекупать чужие долги – ремесло базарных менял. Но когда в дело вступают имперские легионы и инквизиция Сайласа Вейна, ваши расписки начинают гореть быстрее бумаги в камине.

– Инквизиция бьёт по тем, кого видит. До головы она добирается редко.

– Вы недооцениваете Сайласа.

– Напротив. Я считаю его одним из немногих в Империи, кто ещё отличает ложь от правды. Потому и интересно, сколько времени он потратит на поиски тридцати пропавших унций Ихора.

Валуа перестал двигать пальцами.

– Вы знаете о пропаже?

– Я знаю, что пропало. Кто забрал – не знаю. И выяснять не собираюсь.

– Тогда почему вы так спокойны?

– Потому что, пока Сайлас проверяет столичные храмы, мы занимаемся тем, что действительно имеет значение.

Гаррик положил ладонь на стол.

– Землёй. Дорогами. Долгами. Людьми.

Маэстро Валуа не любил, когда его кабинет превращали в место для проповедей. Особенно если проповедник говорил неприятную правду.

Он поднялся и подошёл к окну.

Во внутреннем дворе двое служителей переносили тяжёлый железный ящик. Один шёл впереди, второй придерживал его сзади. На крышке были выбиты три круга и короткая надпись на старом наречии.

– Они снова доставили груз? – спросил Валуа.

– К рассвету.

– Откуда?

– Из южного хранилища. Пять сосудов. Два разбиты.

– Разбиты при перевозке?

– По документам – да.

Валуа посмотрел на ящик.

– Тогда почему его не открыли?

– Сосуды с Ихором. Сначала вызовут хранителя.

– Правильно делают.

Банкир вернулся к столу.

– Вы говорите о людях и земле так, словно это обычные активы. Но не всё удержишь распиской.

– Например?

– Ихор.

Гаррик не ответил.

Валуа снял с пальца тяжёлое золотое кольцо и положил на стол. На внутренней стороне ободка теснились мелкие знаки. Кольцо служило частью банковской печати: при соприкосновении с документом, скреплённым очищенным Ихором, знаки должны были нагреваться.

– Вы когда-нибудь видели, что происходит с должником, который пытается разорвать такую клятву? – спросил банкир.

– Видел достаточно.

– Тогда знаете, что это не просто бумага.

Он открыл нижний ящик и достал футляр. Внутри лежал тонкий стеклянный флакон с тёмно-багровой жидкостью. Ихор медленно перекатывался внутри, густой и тяжёлый.

– В прошлом году один торговец из Лисса решил обмануть банк. Заложил три склада, получил деньги, а через неделю продал имущество другому покупателю. Обычная афера. Но расписка была скреплена кровной печатью.

Валуа поставил флакон на стол.

– Когда он пришёл отрицать обязательство, знаки на его экземпляре раскалились. Он бросил документ в камин. Бумага сгорела, а печать осталась на ладони. Через три дня он вернулся и выплатил долг.

– Значит, вы получили деньги.

– Да.

– И что с ним стало?

Валуа отвёл взгляд.

– Он больше не мог держать перо.

Гаррик посмотрел на флакон.

– Вы используете Ихор для обеспечения долгов?

– Не я. Банк.

– Разница существенная только для тех, кто работает в банке.

Валуа раздражённо закрыл футляр.

– Вы смеётесь над тем, чего не понимаете.

– Я смеюсь над теми, кто верит, будто магией можно заменить хороший договор.

– Она делает договор обязательным.

– Для кого? Для подписавшего его человека? Или для наследников, которые даже не знают, что отец заложил их будущее?

Банкир промолчал.

Гаррик не смотрел на него. Его внимание привлекал флакон.

– У вас есть проблемы с хранением? – спросил он.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что капля внутри перестала двигаться.

Валуа резко взглянул на сосуд.

Ихор действительно застыл. Ещё недавно багровая масса медленно перекатывалась по стеклу, а теперь прилипла к одной стенке. Снаружи флакона выступил мелкий конденсат.

Банкир позвонил в серебряный колокольчик.

Через минуту вошёл худощавый мужчина в сером халате. На его груди висел медный знак алхимической гильдии.

– Маэстро?

– Проверьте сосуд.

Алхимик подошёл к столу и не сразу решился взять флакон.

– Он холодный, – произнёс он.

– В комнате тепло.

– Я вижу.

Мужчина достал из кармана тонкую костяную пластинку с тремя концентрическими кругами и приложил к стеклу. Пластинка дрогнула, но не изменила цвета.

– Печать цела. Примесей не вижу.

– Тогда почему он застыл?

– Не знаю.

Алхимик снял пластинку и внимательно посмотрел на горлышко флакона.

– Возможно, сосуд слишком долго простоял рядом с железом.

– В сейфе нет железа, – сказал Валуа.

– Тогда мне потребуется образец из другого хранилища.

– Получите его утром.

Алхимик поклонился и ушёл.

Валуа несколько мгновений смотрел на флакон, затем убрал его в футляр.

– Вот поэтому, Гаррик, я не люблю, когда вы говорите о власти так, будто всё можно купить.

– Я не говорил, что всё можно купить.

– Но считаете, что всё можно продать.

– Это уже ближе к правде.

Гаррик достал из внутреннего кармана плотный свёрток, перевязанный грубой бечёвкой, и мягко положил его на край стола.

– Что это?

– Верительные грамоты и предварительные соглашения.

Валуа разрезал бечёвку ножом.

Внутри лежали несколько листов с подлинными подписями, копии удостоверений и узкие полоски пергамента, на которых были записаны имена каэльских инженеров.

– Из Каэла? – спросил банкир.

– Именно.

– Князь Рурик держит своих мастеров на железном поводке. Они не имеют права даже нос высунуть за пределы кальдеры без личной печати городской управы Форт-Грозы.

– Князь Рурик сейчас занят тем, что пытается удержать рушащуюся гору голыми руками. А умные люди ищут запасной выход, пока лавины ещё не перекрыли горные тропы.

Валуа изучил первый документ.

– Эти люди отвечают за нижние узлы Сети Векторов.

– Некоторые.

– За подвесные линии?

– Двое.

– За грузовые подъёмники?

– Один.

– А этот?

– Геомант. Работает с древними основаниями.

Валуа поднял глаза.

– Вы собираете не просто инженеров. Вы собираете тех, кто знает, как заставить гору работать.

– Они знают, как не дать ей остановиться.

– Разница?

– В цене.

Банкир перевернул страницу.

В документах значились имена механиков, мастеров канатных линий, специалистов по подъёмникам и людей, которые отвечали за обслуживание древних опор. Некоторые подписи были сделаны уверенно. Другие дрожали, будто их владельцы торопились закончить разговор.

– Как вы их нашли?

– Люди разговаривают, маэстро. Особенно когда им задерживают жалованье.

– Рурик платит им.

– Платит не всегда вовремя. А иногда вместо денег предлагает обещание, что завтра будет легче.

– И ваши агенты предложили больше?

– Они предложили золото, жильё и безопасный проход на юг.

– А взамен?

– Их знания.

Валуа снова посмотрел на бумаги.

– Вы собираетесь вывезти их всех?

– Нет. Пока это только предварительные соглашения. Некоторые хотят покинуть Каэл, другие требуют гарантий для семей. Есть те, кто ещё надеется, что князь удержит положение.

– А если не удержит?

– Тогда у нас будет возможность предложить им помощь.

– Помощь, которую они будут оплачивать всю оставшуюся жизнь.

Гаррик слегка наклонил голову.

– Вы начинаете понимать.

Валуа подошёл к большому шкафу у стены и достал оттуда тяжёлую книгу в железном переплёте.

На её обложке было выбито название старого банковского устава. Он положил том на стол и раскрыл страницу, отмеченную красной лентой.

– Есть одна проблема.

– Только одна?

– В случае массового перемещения специалистов из Каэла банк не сможет просто выдать им золото. Имперские торговые представители потребуют объяснений. Дом Скель поднимет тревогу. А если выяснится, что мы финансируем вывоз людей, отвечающих за Сеть Векторов, это будет расценено как вмешательство в дела княжества.

– Поэтому я и пришёл к вам.

– Вы хотите, чтобы банк оформил это как обычную выплату по трудовым договорам?

– Именно.

– Но такие договоры требуют поручителей.

– У меня есть поручители.

– Кто?

Гаррик не ответил.

Валуа внимательно посмотрел на него.

– Вы хотите использовать старые обязательства.

– Не только.

– Тогда что ещё?

Гаррик достал из кармана небольшой плоский предмет, завёрнутый в тёмную ткань. Развернув его, он положил на стол металлическую пластинку размером с монету.

На поверхности виднелся отпечаток старой печати. Не герб, не знак дома, а сложный узор из пересекающихся линий.

Валуа не притронулся к ней.

– Откуда это?

– Из одного закрытого хранилища.

– Это не ответ.

– Другого у меня нет.

Банкир внимательно осмотрел пластинку.

– Здесь старые знаки.

– Насколько старые?

– Старше нынешнего банковского устава. Возможно, старше самого города.

– И что они означают?

– Не знаю. Но я видел похожие на древних опорах в Каэле.

Гаррик молча ждал.

Валуа взял металлическую пластинку щипцами и поднёс к лампе. При нагревании на её поверхности проступили тонкие линии. Они не светились, а словно проступали изнутри металла, образуя рисунок, похожий на карту горных склонов.

Банкир отложил щипцы.

– Это не банковская печать.

– Я знаю.

– Тогда зачем вы принесли её мне?

– Чтобы вы поняли, что я покупаю не просто рабочие руки.

Валуа снова посмотрел на рисунок.

– Вы не знаете, что это.

– Нет.

– Не знаете, кто её изготовил.

– Нет.

– И не знаете, что она делает.

– Поэтому я и принёс её человеку, который умеет считать цену неизвестных вещей.

Банкир долго молчал.

Затем убрал пластинку в отдельный футляр, не касаясь её руками.

– Я проведу проверку. Но если эта вещь связана с древними узлами, я не стану хранить её в обычном сейфе.

– Разумно.

– И ещё. Я не дам денег на вывоз всех ваших инженеров.

– Пока они и не нужны.

– Сколько?

– Достаточно, чтобы закрепить соглашения и подготовить южный маршрут. Остальное – после подтверждения условий.

– Вы хотите купить будущее, не зная, наступит ли оно.

– Нет, маэстро. Я хочу купить право оказаться там, когда оно наступит.

В соседнем крыле банка находилось хранилище долговых обязательств.

Туда не допускали даже старших управляющих без специального разрешения. Внутри стояли каменные шкафы с железными дверцами, а на полу были выложены круги из чёрного камня. В центре каждого круга находилась неглубокая чаша, заполненная соляным раствором.

За хранилищем присматривал старый смотритель по имени Эдвард. Он почти не разговаривал и передвигался медленно, опираясь на трость с серебряным набалдашником.

В эту ночь смотритель обнаружил, что одна из чаш изменила цвет.

Вместо прозрачного раствора в ней мутнела красноватая масса. На дне лежал маленький осколок стекла.

Он позвал помощника.

– Кто открывал седьмой шкаф?

Молодой служитель сверился с журналом.

– Никто.

– Проверь ещё раз.

– Вот отметка. Вчера в полдень его осматривал маэстро Валуа.

– После него?

– Никого.

Эдвард подошёл к железной дверце.

На дверце висела восковая печать. Она оставалась целой, но рисунок потемнел. Смотритель достал тонкий серебряный крючок и осторожно коснулся края.

Воск задрожал.

Изнутри шкафа донёсся слабый звук, похожий на скрежет стекла.

Помощник отступил.

– Что там?

– Не знаю.

– Позвать алхимика?

– Да.

Эдвард ещё раз коснулся печати.

На этот раз она треснула сама.

Из щели между дверцей и рамой потянуло холодом. Соляной раствор в чаше покрылся тонкой коркой льда, хотя в хранилище было тепло.

Смотритель отступил и перекрестился.

Он не знал, что скрывалось за дверцей. Но седьмой шкаф не открывали уже сорок лет.

Тем временем Гаррик покинул кабинет Валуа.

В коридоре его ждал человек в коричневом плаще. Лицо скрывал капюшон, а на поясе висел короткий нож без украшений.

– Всё готово? – спросил Гаррик.

– Почти.

– Что значит почти?

– Один из инженеров отказался подписывать соглашение.

– Почему?

– Говорит, что не бросит семью.

– У него есть семья?

– Жена и двое детей.

– Тогда предложение было неполным.

Посредник молчал.

– Передайте ему, что банк оплатит дорогу всей семье. Предоставит отдельное жильё и запас денег на полгода. До прибытия на юг никаких обязательств перед нами у них не будет.

– А если откажется снова?

– Тогда оставьте его в покое.

– Но он знает о переговорах.

– Знать и говорить – разные вещи.

Гаррик пошёл дальше.

Они миновали лестницу, спустились на нижний этаж и вышли во внутренний двор. Там стояли несколько крытых повозок. Возле одной из них двое грузчиков спорили с надсмотрщиком.

– Осторожнее! – крикнул тот. – Внутри стекло!

Один из грузчиков ответил грубой бранью.

Гаррик остановился.

– Что перевозят?

– Алхимический груз, господин.

– Откуда?

– Из южного хранилища.

– Куда?

– На склад у восточной пристани.

Гаррик посмотрел на повозку.

Из-под брезента доносился слабый гул. Повозка стояла неподвижно, но железные ободы колёс медленно покрывались инеем.

– Кто сопровождал груз?

– Двое служителей банка.

– Позовите их.

Надсмотрщик поспешно исчез.

Через несколько минут появились двое мужчин в серых плащах. Один держал на груди связку ключей, другой – деревянный футляр.

– Что случилось? – спросил Гаррик.

– Ничего, господин.

– Тогда почему груз замёрз?

Служитель посмотрел на повозку.

– Мы не знаем.

– Вы знали, что везёте?

– Очищенный Ихор.

– Сколько?

– Пять сосудов.

– А доставили?

Первый служитель переглянулся со вторым.

– Три.

– Где остальные?

– Разбились в пути.

– Все сразу?

– Один треснул на повороте. Второй – когда повозка остановилась.

Гаррик посмотрел на брезент.

– Покажите.

Служитель неохотно поднял край ткани.

Под тканью стояли три металлических футляра, каждый с банковской печатью. Между ними валялись осколки стекла, покрытые густой багровой жидкостью.

Ихор не растекался по дереву. Он собирался в неподвижные капли, будто не желал касаться чужой поверхности.

Гаррик присел.

Одна из капель медленно поползла вверх по стенке футляра.

Служитель отшатнулся.

– Такого не должно быть.

– Вы часто перевозите Ихор?

– Да, господин.

– И видели подобное раньше?

– Нет.

Гаррик достал из кармана тонкую металлическую пластинку, но не приблизил её к капле.

Он внимательно осмотрел жидкость.

– Не трогайте груз. Никому не рассказывайте о том, что видели. До утра повозка останется здесь.

– Но распоряжение…

– Теперь есть другое.

Гаррик поднялся и направился к воротам.

– Найдите хранителя, – бросил он через плечо. – И пусть он не пытается очищать остатки самостоятельно.

За воротами банка ночной Гарм жил своей обычной жизнью.

На углу торговались два купца. У стены спал пьяный грузчик. В переулке женщина ругалась с хозяином дешёвой гостиницы из-за неоплаченного места. Где-то далеко ударил колокол портовой башни.

Гаррик прошёл мимо них, не задерживая шага.

У выхода к набережной его ждал ещё один человек – высокий, худой, с лицом, пересечённым старым шрамом.

– Документы переданы? – спросил Гаррик.

– Да.

– Кому?

– Посреднику на южном тракте.

– Он проверен?

– Дважды.

– Проверяйте в третий раз.

– Есть ещё одно сообщение.

– Говори.

– В столице снова появились люди Сайласа Вейна. Проверяют храмовые поставки. Несколько архивных книг уже изъяты.

Гаррик остановился.

– Какие именно?

– Реестры распределения Ихора.

– Значит, он добрался до недостач.

– Похоже на то.

Гаррик задумался.

– Он нашёл следы?

– Неизвестно.

– Пока ничего не меняем. Новые перевозки через столицу остановить, старые маршруты оставить без изменений. Если начнут задавать вопросы, бумаги должны выглядеть так, будто их составляли трое незнакомых друг с другом людей.

– Понял.

– И ещё. Не трогайте архивистов.

– Даже того, который…

– Особенно его.

Человек кивнул.

Гаррик посмотрел на чёрную воду гавани. В отражении факелов дрожали длинные огненные полосы. Вдали медленно двигалась баржа, гружённая железом.

– Сколько осталось до следующего платежа по векселям де Вальмонта?

– Девять дней.

– Ускорьте взыскание.

– Это может вызвать скандал.

– Скандал дешевле войны.

– А если дом обратится к императору?

Гаррик усмехнулся.

– Тогда мы узнаем, сколько ещё осталось от императорской власти.

Он поправил перчатки и пошёл вдоль набережной.

В кабинете маэстро Валуа тем временем снова открыли футляр с Ихором.

Алхимик вернулся с образцами из другого хранилища. Он поставил на стол два сосуда: один с очищенной субстанцией, другой – с обычной водой, смешанной с серебряной пылью.

– Что вы обнаружили? – спросил Валуа.

– Пока ничего определённого.

– Это не ответ.

– Оба образца ведут себя нормально. А вот содержимое флакона из вашего кабинета…

Алхимик замолчал.

– Что?

– Оно не испорчено. Но больше почти не откликается на привычные воздействия.

– Объясните.

– Ихор обычно реагирует на серебро, тепло и определённые алхимические знаки. В этом сосуде отклик почти исчез.

– Почему?

– Не знаю.

– Можно восстановить?

– Не уверен. Если нагреть сильнее, может лопнуть стекло. Если добавить катализатор, мы рискуем вызвать непредсказуемую реакцию.

Валуа постучал пальцем по столу.

– Сколько времени нужно?

– Два дня. Возможно, больше.

– У вас один.

Алхимик поклонился.

– Я сделаю всё возможное.

Когда он ушёл, Валуа достал документы, оставленные Гарриком.

Он ещё раз просмотрел список инженеров. На последней странице обнаружилась короткая приписка, сделанная чужой рукой:

«Не отправлять через восточные перевалы. Там уже ждут».

Банкир долго смотрел на эти слова.

Затем позвонил в колокольчик.

Вошёл помощник.

– Отправьте гонца на юг.

– Куда именно?

– К людям, которые занимаются маршрутами Каэла. Пусть временно приостановят движение.

– По чьему распоряжению?

Валуа посмотрел на него.

– По моему.

Помощник поклонился и вышел.

Маэстро остался один.

Он взял флакон с Ихором и поднёс к свету. Багровая жидкость по-прежнему лежала неподвижной каплей у стенки.

Валуа вдруг заметил, что отражение в стекле изменилось. Лицо казалось вытянутым, глаза – глубже; за плечом будто стоял ещё кто-то.

Он резко обернулся.

Кабинет был пуст.

Когда банкир снова посмотрел на флакон, отражение исчезло.

Он осторожно убрал сосуд в футляр и запер ящик.

В Гарме говорили, что деньги не пахнут.

Валуа знал, что это неправда.

Одни деньги пахли кровью, другие – страхом. А самые дорогие обязательства – землёй, которую ещё предстояло похоронить.

Где-то за стенами банка продолжал гудеть ночной город. Купцы считали прибыль, грузчики таскали мешки, менялы пересчитывали чужие долги.

Никто не знал, что в подземных хранилищах Железного Банка один из сосудов с Ихором перестал подчиняться человеческой воле.

И никто не знал, что в тот же час на далёком севере несколько каэльских инженеров получили письма с предложением покинуть родные горы.

Письма были написаны разными почерками.

Но все обещали одно и то же:

золото, безопасность и дорогу на юг.

Глава 6. Шаги по лезвию

Ледяной ветер с вершин Хребта Плачущих Ветров сбивал с ног и швырял в лицо колючий снег. На перевалочной базе у Каньона Бальдра пахло гарью паровых котлов, машинным маслом и сырой шерстью. Даже боевые лошади в стойлах беспокойно били копытами по перегородкам.

База теснилась на узкой каменной террасе между отвесной стеной и пропастью. Сверху к ней спускались грузовые линии Сети Векторов; толстые канаты уходили в белую мглу и терялись среди скал. На нижней площадке паровые лебёдки поднимали пустые гондолы к верхним станциям. Обычно здесь без остановки двигались уголь, руда, зерно, инструменты и люди.

Теперь большая часть подъёмников стояла.

У склада лежали три разобранных редуктора. Под брезентом укрыли повреждённый механизм натяжения. Его не отправляли в ремонт: нужных деталей не осталось, а мастер, умевший восстанавливать такие узлы без заводской замены, умер ещё осенью.

Аня Скель резко откинула тяжёлую пологу брезента и шагнула внутрь складского барака.

На ней был офицерский мундир Пневмо-гвардии, подбитый мехом и туго перетянутый портупеей. Снег осел на плечах и воротнике. Даже подойдя к столу, Аня не сняла перчаток.

Следом вошёл Борек Скель, стряхивая с пальто снежную крошку. Лицо его осунулось от бессонных ночей и бесконечных расчётов.

– Две недели, Аня.

Он бросил на дощатый стол тяжёлую амбарную книгу.

– Зерновой караван из Валариса должен был прибыть ещё к концу прошлой луны. Склады почти пусты.

– Я знаю, что на складах пусто, Борек.

Аня подошла к узкому окну. За мутным стеклом сквозь метель едва угадывались силуэты лебёдок.

– Мне не нужно открывать амбары, чтобы слышать, как голодают шахтёры. Шахты уже гудят от недовольства. Если через три дня мы не выдадим пайки, рабочие бросят откачку воды.

– Пусть попробуют.

Борек снял перчатки и положил их на край стола.

– Без откачки нижние горизонты затопит ледяной шугой за сорок часов. Погибнут не только забои. Может обрушиться анкерная система нижнего склона.

– Я знаю, что произойдёт.

– Нет. Ты знаешь, что станет с шахтой. А я знаю, что будет с людьми, если она перестанет давать уголь, металл и деньги.

Он раскрыл амбарную книгу.

– Здесь остатки зерна по всем станциям. Здесь мука, сухари гарнизона и продовольствие, уже обещанное лечебницам и детским приютам. Отдам всё рабочим – через неделю начнут умирать больные. Сохраню пайки лечебницам – шахтёры перестанут работать. Сокращу гарнизон – некому будет охранять склады.

– А если ничего не делать, через неделю охранять будет уже нечего.

Борек сжал челюсти.

– Я отправил три запроса в Этерну и ещё один – через торговых представителей южных домов. Возможно, имперская канцелярия пересмотрит решение.

Аня повернулась к нему.

– Ответа не будет, Борек.

– Ты не знаешь.

– Знаю. Империя перекрыла поставки. Ей плевать на наши шахты и договоры. Для Валариса мы источник дешёвого металла, который выкачивают через эту проклятую Сеть. Малакор затягивает петлю, потому что его казна пуста, а мы всё ещё отправляем ему руду.

– Пока мы отправляем руду, у нас хотя бы остаётся формальное право требовать зерно.

– Право?

Аня коротко рассмеялась.

– Ты собираешься накормить людей правом?

Борек захлопнул книгу.

– А ты собираешься накормить их обещаниями?

Некоторое время они смотрели друг на друга.

За стеной грохнул котёл. Паровая машина кашлянула, и по полу прокатилась дрожь.

– Я предлагаю перестать ждать, – сказала Аня.

– И что ты предлагаешь? Вывести гарнизон в каре и штурмовать имперские житницы? У нас нет запасов для дальнего похода, нет логистики. В такую погоду любой выход за горы может погубить всё население княжества.

– Начать готовить эвакуацию.

Борек медленно поднял голову.

– Ты произнесла это вслух?

– Да.

– Здесь?

– Здесь.

Он подошёл к двери и проверил, плотно ли закрыта полога.

– Ты хоть понимаешь, что будет, если об этом узнает Совет?

– Старики закричат о предательстве, военные потребуют приказов, а отец запретит мне покидать Форт-Грозу.

– Потому что ты предлагаешь бросить княжество.

– Я предлагаю спасти людей.

– Каких людей?

Аня не ответила сразу.

Борек подошёл к столу и раскрыл амбарную книгу на последней странице.

– Здесь шестьдесят тысяч жителей. Шестьдесят тысяч, Аня. Нельзя просто взять их и вывести из гор. Двадцать пять тысяч – это уже не колонна переселенцев, а целое войско: обозы, больные, старики, дети. Им нужны дороги, вода, топливо, фураж и охрана. Каждый день пути съедает запасы. Каждая задержка создаёт новую очередь у котлов.

Он ткнул пальцем в таблицу.

– Даже если найдём путь на юг, как проведём их через перевалы? На чём? Пешком? На сломанных гондолах? Через тоннели, которые едва выдерживают собственную нагрузку?

– Поэтому я и говорю, что начинать нужно сейчас.

– Сейчас метель.

– Через месяц будет голод.

– А через неделю может начаться обрушение.

– Тогда у нас тем более нет времени.

Снаружи послышался шум.

Сначала Аня решила, что ветер ударил в боковую стену барака. Потом донеслись крики, звон металла и топот.

Она вышла первой.

На площадке у нижней лебёдки собрались рабочие. В снегу лежал мужчина с разорванной курткой; его рука была прижата к груди. Рядом на корточках сидел молодой парень, закрыв лицо ладонями.

– Что произошло? – спросила Аня.

К ней бросился старший смены.

– Оборвался натяжной трос. Гондола пошла вниз, но тормоза успели её удержать.

– Сколько человек?

– Шестеро внутри. Один пострадал. Остальные целы.

– Где мастер?

– Внизу. Проверяет тормозную колодку.

Борек подошёл следом.

– Сколько времени лебёдка простояла?

– Четыре часа.

– Почему не сообщили?

Старший смены опустил глаза.

– Доклад отправляли. Наверху его не приняли.

– Кто не принял?

– Не знаю. Сказали, что без подтверждения из Форт-Грозы ремонт запрещён.

Борек посмотрел на Аню.

Она ничего не сказала.

Рабочие осторожно переложили мужчину на носилки. Он был бледен, но оставался в сознании.

– Ногу не чувствую, – прохрипел он.

– Лекаря сюда, – приказала Аня.

Один из рабочих бросился к бараку.

– Сколько у вас осталось масла? – спросил Борек у старшего смены.

– На два дня.

– А угля?

– На четыре. Если не отапливать мастерскую.

– А если отапливать?

– На два.

Борек провёл ладонью по лицу.

– Два дня.

– Часть отопления в жилых бараках уже сняли, – добавил старший смены. – Люди мёрзнут.

– Пусть жалуются. Без лебёдки мы не поднимем ни уголь, ни зерно, если оно вообще придёт.

– Зерна не будет, – сказала Аня.

Старший смены опустил голову.

Борек резко повернулся к сестре.

– Не здесь.

– Почему? Чтобы они продолжали ждать?

– Пока у меня нет официального распоряжения, я не могу объявить людям, что поставок не будет.

– А когда получишь? Когда последний мешок опустеет?

Старший смены смотрел то на одного, то на другого.

– Госпожа Скель, – осторожно произнёс старший смены, – скажите хотя бы, когда ждать следующий паёк.

Аня посмотрела на него.

– Сегодня вечером будет распоряжение.

– О пайках?

– О ремонте, продовольствии и работе станций.

– А зерно?

Она не ответила.

Рабочий понял всё без слов.

Нижняя площадка находилась в полутора сотнях ступеней под основным бараком. Здесь было теплее, но воздух оставался тяжёлым от пара и запаха мокрого угля.

Лебёдка занимала почти всю площадку. Массивный барабан был обмотан несколькими слоями стального троса. В основание механизма ещё со времён первых мастеров встроили старый каменный узел.

Камень был покрыт серебристыми прожилками.

В нескольких местах прожилки потемнели. Одна раскололась, оставив на камне узкую чёрную борозду.

Возле узла стоял геомант Орен.

Орен был невысоким стариком с обветренным лицом и длинной седой бородой, заплетённой в две косицы. На шее висел плоский амулет из тёмного металла. Когда Аня приблизилась, он едва заметно задрожал.

– Что с узлом? – спросила она.

Орен не сразу ответил.

Он держал ладонь над камнем, не касаясь его.

– Он не держит равновесие.

– Что это значит?

– Нагрузка на лебёдку распределяется неправильно. Канат тянет в одну сторону, камень отвечает в другую. Прежде они работали в согласии.

– А теперь?

– Теперь каждый тянет на себя.

Борек подошёл ближе.

– Можно исправить?

Орен повернул к нему голову.

– Можно попробовать.

– Сколько потребуется?

– Две унции очищенного Ихора. Три дня работы. Если камень примет связывание, узел продержится ещё несколько месяцев.

– А если не примет?

Старик посмотрел на чёрную борозду.

– Тогда узел может разойтись.

– Насколько серьёзно?

– Вся площадка уйдёт вниз.

Борек выругался сквозь зубы.

– Почему не сообщили раньше?

– Сообщал.

– Кому?

– Вашему отцу. Ещё в начале осени.

Борек замолчал.

Аня посмотрела на древний камень.

– Покажите.

Орен неохотно отступил.

На поверхности узла были вырезаны незнакомые Ане знаки. Они напоминали переплетённые корни; некоторые линии уходили в глубину камня и скрывались под металлическими креплениями.

– Это работа Предтеч? – спросила она.

– Так говорят.

– А вы что думаете?

– Я думаю, что тот, кто это создал, знал горы лучше, чем мы знаем собственные руки.

Орен достал из сумки небольшую чашу. В ней лежал стеклянный сосуд с густой багровой каплей Ихора.

Он осторожно поставил сосуд в каменное углубление.

Капля медленно вытянулась внутри стекла, словно ощутила присутствие узла.

Серебристые прожилки на камне начали светиться.

Сначала тускло, затем ярче.

По площадке прокатился низкий гул. Металлические крепления дрогнули, а на камне проступили тонкие линии – похожие на трещины, но слишком ровные, чтобы быть следствием обычного разрушения.

Орен произнёс несколько слов на старом наречии.

Аня не поняла ни одного.

Геомант положил ладони на края чаши. Его амулет вспыхнул бледным светом.

Ихор внутри сосуда поднялся.

Ихор поднялся над горлышком сосуда, будто его удерживала невидимая нить. Затем медленно опустился на камень.

Раздался удар.

Удар был негромким, но настолько низким, что Аня ощутила его грудью.

Лебёдка на секунду остановилась.

Затем барабан дёрнулся и пошёл в обратную сторону.

– Отойдите! – крикнул Орен.

Рабочие отступили.

Трос натянулся. По нему пробежал багровый отблеск, а капли конденсата на металлическом кожухе мгновенно покрылись льдом.

Орен резко убрал руки.

– Достаточно!

Гул стих.

Ихор исчез, оставив на камне тёмный след.

Аня подошла ближе.

– Что произошло?

– Узел услышал.

– И?

– Не согласился.

– Но ведь он ответил.

– Ответить и принять – не одно и то же.

Орен поднял с пола чашу. На её внутренней поверхности появилась тонкая трещина.

– Это всё, что можно сделать без связывания. Если продолжим, рискуем потерять узел окончательно.

Борек посмотрел на камень.

– Значит, две унции Ихора и три дня?

– Если он согласится.

– А если не согласится?

Орен не ответил.

На обратном пути Аня остановилась у нижнего жилого барака.

Дверь была распахнута. Внутри сидели женщины, старики и дети. На маленькой железной печи кипел котёл; в мутной воде плавало несколько кусочков картофеля.

Одна из женщин узнала Аню.

– Госпожа офицер.

Она поднялась, вытирая руки о передник.

– Что случилось?

– Ничего, госпожа. Просто хотела спросить.

Женщина посмотрела на котёл.

– Нам сказали, что завтра выдадут муку. Это правда?

Аня не ответила сразу.

– Кто сказал?

– Старший по складу. Сказал, что пришёл приказ.

Борек, стоявший у двери, напрягся.

– Какой приказ?

Женщина испуганно посмотрела на него.

– Я не знаю. Нам сказали, что всё будет.

Аня подошла к котлу.

– Сколько у вас осталось еды?

– На сегодня хватит. На завтра уже нет.

– А муж?

– На откачке.

– Давно?

– Вторую смену подряд. Говорит, если уйдёт, его место займут другие.

Она помолчала.

– И жалованье за прошлый месяц ему ещё не выплатили.

Борек отвёл взгляд.

Аня посмотрела на детей. Мальчик лет семи держал деревянную игрушку без одного колеса. Девочка помладше спала, положив голову на колени матери.

– Завтра я пришлю распоряжение, – сказала Аня.

Женщина кивнула.

– Спасибо, госпожа.

Когда они вышли, Борек остановился.

– Ты не можешь обещать то, чего у нас нет.

– Я обещала распоряжение.

– Она услышала обещание еды.

– Потому что ей нужна еда, а не твоя таблица.

Борек резко обернулся.

– А мне нужно, чтобы завтра эти дети были живы! Думаешь, я не вижу происходящего? Я вижу каждую цифру, каждую недостачу, каждый мешок, который приходится отнимать у одного склада и переносить на другой. Я знаю, сколько людей мы можем накормить и сколько останется без пайка. Думаешь, мне легко?

Аня смотрела на него молча.

– Я не могу спасти всех, – продолжил он уже тише. – Но хотя бы пытаюсь не погубить их одним неверным решением.

– А я пытаюсь не дать тебе ждать, пока решение примет голодная толпа.

К вечеру метель немного стихла. Аня собрала офицеров Пневмо-гвардии в большом помещении старой станции. На стене висела карта Каэла с отмеченными перевалами, шахтами, грузовыми линиями и жилыми секторами.

Среди присутствующих были капитан Гельм, командир нижнего гарнизона, лейтенант Вейра, отвечавшая за снабжение, и несколько младших офицеров.

Борек стоял у стола.

– Начнём с продовольствия, – сказал он.

Вейра развернула ведомость.

– На основных складах зерна осталось на одиннадцать дней при полном пайке. Если сократить выдачу вдвое, запасов хватит на двадцать три дня. Но это без учёта потерь, порчи и задержек доставки.

– Сколько можно вывезти через южные штоки? – спросила Аня.

Вейра посмотрела на карту.

– Сейчас?

– Да.

– Не более трёхсот человек в сутки, если задействовать все доступные гондолы. И это при условии, что линии выдержат.

– А если часть пути идти пешком?

– Тогда всё зависит от состояния троп. В такую погоду через основные перевалы пройдёт не больше тысячи человек в день. Но проводников на всех не хватит.

Капитан Гельм скрестил руки.

– Вы собираетесь вывести гарнизон?

– Я оцениваю возможности.

– Это не одно и то же.

– Именно поэтому мы здесь.

Гельм посмотрел на Борека.

– Князь знает?

– Нет, – ответила Аня.

В помещении стало тихо.

– Тогда я не понимаю, на каком основании мы обсуждаем эвакуацию.

– На основании того, что у нас заканчивается зерно.

– Князь приказал удерживать Форт-Грозу.

– Князь приказал защищать Каэл, а не умирать в нём.

Гельм нахмурился.

– Вы предлагаете нарушить приказ?

– Я предлагаю подготовить план на случай, если удержать город станет невозможно.

– А если князь сочтёт это изменой?

Аня подошла к карте.

– Тогда он сможет судить меня после того, как мы выведем людей.

Борек тяжело вздохнул.

– Никто не будет выводить людей завтра. Мы пока только собираем сведения.

Аня повернулась к нему.

– Мы должны знать, сколько людей сможем спасти. Какие дороги пригодны, где есть вода, где разместить больных и детей. Какие станции примут обозы и сколько угля понадобится подъёмникам.

– И сколько людей останется без защиты, пока мы всё это делаем?

– Поэтому мы и собираем офицеров, а не пишем письмо в Этерну.

Гельм посмотрел на карту.

– Если начнётся эвакуация, первыми пойдут раненые?

– Нет. Сначала пойдут разведчики и проводники. Затем те, кто не способен идти самостоятельно. После них – основные колонны.

– А гарнизон?

– Будет прикрывать движение.

– Сколько времени?

Аня посмотрела на него.

– Столько, сколько потребуется.

Гельм медленно кивнул.

– Тогда нам понадобится больше людей.

– Знаю.

– И оружие.

– Знаю.

– И продовольствие.

– Знаю, капитан.

Он замолчал.

Вейра тем временем отметила на карте несколько маршрутов.

– Есть ещё старые штоки под восточным склоном. Ими давно не пользовались, но они соединяют нижние шахты с южными караванными тропами.

Борек подошёл ближе.

– Они затоплены.

– Не все. Два прохода можно расчистить.

– Там нет вентиляции.

– Можно установить временные воздуходувки.

– На каком топливе?

Вейра не ответила.

Аня посмотрела на брата.

– Вот и займись этим.

– Чем?

– Найди топливо.

– Аня…

– Ты сам сказал, что спасти всех невозможно. Тогда хотя бы выясним, кого можно вывести.

Борек некоторое время смотрел на карту.

Затем взял карандаш и начал отмечать склады, которые могли стать промежуточными пунктами.

Поздно вечером, когда офицеры разошлись, Борек остался в помещении один.

Он сидел за столом, перед ним лежали три документа.

Первый – ведомость запасов.

Второй – список повреждённых станций.

Третий – предварительная оценка населения, которое можно было разместить в южных долинах.

Последний документ был самым тяжёлым.

На полях стояли расчёты, которые Борек не хотел показывать сестре. Уже несколько недель он изучал возможность вывезти самых необходимых специалистов. Не всех рабочих и не всех мастеров – лишь тех, без кого Каэл утратит способность поддерживать собственную инфраструктуру.

Инженеры, геоманты, мастера канатных линий, механики паровых подъёмников.

Их было немного.

Но без них даже спасённые гондолы однажды остановятся.

Борек достал из ящика маленький кожаный футляр. Внутри лежал список имён, рядом с каждым стояла отметка о семье, долгах и возможных маршрутах.

Он не знал, откуда возьмёт столько денег, кому сможет доверять и сколько времени осталось до падения Форт-Грозы.

Но знал другое: если княжество погибнет, вместе с его народом могут исчезнуть знания, которые поколения мастеров собирали и передавали друг другу.

Он сложил список и спрятал обратно.

В дверь постучали.

– Войдите.

На пороге стоял молодой посыльный.

– Господин Скель, письмо.

Борек взял конверт.

На нём не было ни герба, ни печати. Только имя отправителя – неизвестное.

Он вскрыл письмо.

Внутри лежал короткий текст:

«Мы знаем о положении на нижних станциях. Есть люди, готовые помочь вывезти специалистов и их семьи. Золото, жильё и безопасный путь на юг. Ответ передать через посредника у южных караванных ворот».

Внизу стоял знак: тонкая изломанная линия, пересечённая тремя короткими чертами.

Борек долго смотрел на него.

Затем сжёг письмо над свечой.

Пепел упал на стол.

Он не знал, кто сделал это предложение и откуда отправители получили сведения о Каэле. Но понимал: письмо появилось здесь не случайно.

Он снова достал список инженеров.

На этот раз не стал его прятать.

В ту же ночь на верхней станции Каньона Бальдра произошло ещё одно повреждение.

Рабочие услышали звук, похожий на далёкий удар колокола. Канатная линия задрожала. На металлических опорах проступили тонкие серебристые прожилки, а старый каменный узел у основания покрылся инеем.

Один из мастеров приказал остановить лебёдку.

Но тормоза не сработали.

Гондола, в которой находились двое рабочих и ящик с инструментами, медленно поползла вниз.

Канат натянулся до предела.

Из глубины камня донёсся низкий стон.

На мгновение всё вокруг словно застыло: снег замер в воздухе, пар повис неподвижным облаком, а огонь фонарей вытянулся в тонкие багровые нити.

Затем узел резко отпустил.

Гондола дёрнулась и ударилась о страховочную балку.

Один из рабочих упал на пол. Второй успел ухватиться за поручень.

Никто не погиб.

Когда мастера добрались до опоры, серебристые прожилки на камне исчезли. На их месте остались чёрные следы, похожие на глубокие ожоги.

Старый геомант, которого вызвали среди ночи, долго смотрел на них.

– Что это значит? – спросил начальник станции.

Орен провёл пальцем по чёрному следу.

– Камень больше не выдерживает прежней нагрузки.

– И что делать?

– Уменьшать вес.

– Насколько?

Геомант поднял голову.

– Настолько, насколько вы готовы потерять.

Аня стояла у окна барака и смотрела на тёмный силуэт гор.

Ветер снова усиливался. На верхних линиях покачивались гондолы, некоторые из них были пустыми, другие всё ещё перевозили людей и грузы.

Она знала, что отец не согласится на эвакуацию. Знала, что Совет назовёт её предательницей, а Борек будет спорить с каждым решением, потому что видел цену любого шага лучше неё.

Но время уже не принадлежало Каэлу.

Оно принадлежало голоду, морозу и старым механизмам, которые однажды перестанут удерживать гору.

За её спиной открылась дверь.

Борек вошёл, держа в руках новую ведомость.

– Я пересчитал запасы.

– И?

– Если сократить пайки, запасов хватит на двадцать дней.

– А если не сокращать?

– Одиннадцать.

Аня кивнула.

– Тогда начинаем готовить маршруты.

– Ты всё-таки решила?

– Я решила не ждать, пока за нас решат другие.

Борек положил ведомость на стол.

– Я подготовлю списки специалистов.

Аня обернулась.

– Каких специалистов?

– Геомантов, механиков, мастеров подъёмников. Если придётся уходить, их нужно вывести первыми или хотя бы обеспечить отдельный путь.

– А остальные?

– Остальных будем считать отдельно.

– Людей нельзя считать отдельно от их семей, Борек.

– Я знаю.

Он устало сел.

– Но если мы не сохраним тех, кто умеет ремонтировать линии, через год у нас не останется ни подъёмников, ни шахт, ни способа доставлять продовольствие.

Аня посмотрела на него.

– Ты уже начал готовить это?

– Да.

– Давно?

– Достаточно.

Она хотела спросить ещё что-то, но передумала.

Внизу, за стенами барака, снова загудела лебёдка. Неровно, с короткими провалами, словно механизм работал через силу.

Аня подошла к окну.

– Значит, у нас есть двадцать дней.

– Если повезёт.

– Везение нам больше не поможет.

Борек поднялся и застегнул пальто.

– Тогда придётся рассчитывать на то, что осталось.

Он вышел.

Аня ещё долго смотрела на горы.

Ветер гулял по ущельям, выл в трещинах скал и срывал снег с верхних площадок. Где-то под толщей камня древние основания Сети отвечали на каждую новую нагрузку глухим стуком.

И с каждым днём этот стук становился тише.

Глава 7. Переправа над бездной

Перевал Драконьего Зуба в это время года был ослепительно белым и смертельно опасным.

Дорог здесь не было – только узкие уступы, вырубленные в скале ещё до основания Каэла, снежные карнизы над пропастями и обледеневшие остатки старых галерей. Северный ветер гнал по склонам ледяную крупу, хлеставшую по лицу.

Мороз пробирался под тулупы, находил щели в рукавицах и обращал пот на коже в холодную корку. Дыхание оседало на шарфах инеем; у тех, кто шёл без масок, быстро замерзали ноздри.

Это была небольшая группа семей из нижних рабочих артелей. Их выводили из нескольких отрезанных поселений, где обрушения и перебои со снабжением сделали жизнь опасной. Это не был общий уход из Форт-Грозы: до решения об эвакуации города оставалось ещё далеко.

В белой пустоте медленно двигалась колонна.

Люди шли цепочкой, связанные длинным пеньковым канатом. Между ними оставляли несколько шагов: если кто-нибудь провалится под снег, остальные должны были удержать его, не сорвавшись следом. На поворотах верёвку крепили к скальным выступам, а опасные участки разведчики проверяли длинными шестами.

Впереди путь прокладывал тяжёлый разведывательный отряд Пневмо-гвардии под командованием сержанта Варга – угрюмого ветерана, чьё лицо мороз и угольная гарь сделали почти сине-чёрным. За гвардейцами тянулись беженцы: мужчины и женщины, старики, дети. Они везли ручные санки с одеялами, сухарями и всем, что сумели вынести из домов.

Некоторые ещё носили рабочие куртки с нашитыми знаками гильдий. У других на груди висели деревянные дощечки с именами – так в Каэле отмечали семьи, потерявшие документы при эвакуации.

Колонна двигалась медленно.

Опасно медленно.

Замыкал её Борек Скель.

Он шёл пешком, ведя на поводу уставшего мула. На животном лежали запасные ледорубы, бухты тросов, инструменты и несколько свёрнутых чертежей. Мул тяжело дышал; из ноздрей вырывался пар, а на промокшей попоне темнели пятна.

Борек почти не спал двое суток. Глаза воспалились от снежной белизны, губы потрескались. Несколько раз он ловил себя на том, что идёт с закрытыми глазами, доверившись канату в руке.

Но остановиться было нельзя.

Впереди раздался свистящий окрик:

– Стоп! Всем к стене! Держаться за страховочный канат!

Колонна замерла.

Варг поднял руку, приказывая передним бойцам остановиться. Затем осторожно двинулся дальше, проверяя дорогу шестом.

Борек передал повод мула ближайшему солдату и протиснулся вперёд.

За поворотом карниза скальная стена почти отвесно уходила в свинцовое небо, а тропа внезапно обрывалась.

Обвал смёл деревянную галерею старой имперской трассы. На месте прохода зияла пропасть шириной около десяти метров. Над ней висели обломки балок, ржавые тросы и куски обледеневшей кладки. Далеко внизу угадывались тёмные очертания разбитой повозки.

Борек остановился рядом с Варгом.

– Давно это случилось?

– Не знаю. Снегом завалило. Может, осенью. Может, ещё раньше.

– Обойти?

Варг опустил подзорную трубу.

– Можно пройти через Верхний Уступ. Но это ещё пять часов по открытому склону. Там ветровые столбы. Если буран усилится, людей не удержим.

Он кивнул на колонну. – У половины детей уже почернели пальцы. Старики едва держатся. Вчера двоих пришлось везти на санках. Ещё один такой переход – и начнём оставлять людей на склоне.

Борек посмотрел на колонну.

Люди жались к скале. Женщина укрывала тулупом ребёнка, который уже перестал плакать. Старик сидел на санках, сжимая пустую жестяную кружку; рядом мальчик пытался поправить ему шарф.

Девочка в обледенелом платке тихо всхлипывала. Слёзы застывали на её щеках тонкими блестящими дорожками.

– Тогда восстановим переправу здесь, – сказал Борек.

Варг посмотрел на него так, словно тот предложил перебросить мост голыми руками.

– Чем, княжич? У нас три доски, моток пеньки и две стальные балки. Пропасть – десять метров. Здесь когда-то стоял навесной мост Предтеч. От него остались только анкерные гнёзда.

Борек подошёл к краю.

По обе стороны провала в скале виднелись прямоугольные углубления. Часть скрывал лёд, но некоторые сохранились почти нетронутыми. На внутренних стенках проступали тонкие серебристые полосы.

Борек достал чертежи. Металлические пластины, укреплявшие листы, звякнули на ветру.

– Не навесной, – произнёс он. – Перекидной.

– Какая разница, если он всё равно рухнул?

– Большая.

Борек развернул один лист, прижав угол рукавицей.

– Посмотри на расположение гнёзд. Они не рассчитаны на натяжение одного троса. Здесь стояли жёсткие фермы: две основные балки, поперечные связи и распределительные опоры. Тросы удерживали конструкцию, но не заменяли её.

Варг наклонился над чертежом.

– И где ты собираешься взять фермы?

– Балки у мула пойдут на основание. Остальное соберём из крепежа и обломков старой галереи.

– Они короткие.

– Значит, придётся соединять.

– На весу?

– А у тебя есть другое место?

Варг выругался сквозь зубы.

– Алхимический цемент на таком морозе застынет прежде, чем мы успеем его уложить. А потом раскрошится от первого удара.

– Если использовать обычный состав – да.

Борек вынул из сумки небольшую плоскую флягу, обмотанную несколькими слоями войлока. На её горлышке была серебряная печать с остатками красного воска.

– Это что? – спросил Варг.

– Остаток связующего состава из старой мастерской Скелей. Для мостов он не предназначен. Но в нём есть примесь очищенного Ихора.

Варг нахмурился.

– И ты собираешься вылить его в цемент?

– Не вылить. Добавить несколько капель.

– Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Борек не ответил сразу.

Он снял перчатку и коснулся фляги. Металл был ледяным, но под пальцами ощущалась едва заметная дрожь. Что-то внутри тихо ударилось о стенку.

– Этого должно хватить на пробу.

– А если не получится?

– Тогда придётся идти через Верхний Уступ.

– К тому времени половина колонны уже не сможет идти.

– Поэтому мы не будем ждать.

Борек повернулся к бойцам.

– Разгружайте мула. Принесите балки, клинья, молоты и всё, что можно снять со старой галереи. Варг, выдели четверых крепких бойцов. Остальных поставь на страховку. К краю – только по моей команде.

Сержант ещё несколько мгновений смотрел на него, затем резко развернулся.

– Слышали княжича? Шевелитесь! Растянуть брезент! Прикрыть рабочее место от ветра! Двое – к скале, проверять крепления! Остальные разгружать вьюки!

Работа началась.

Ветер мешал даже стоять. Брезент, натянутый между скальными выступами, хлопал и рвался из рук; его закрепили ледорубами и дополнительными канатами. Двое гвардейцев проверяли страховочные линии, остальные очищали анкерные гнёзда от снега и льда.

Борек спустился на узкий уступ, где можно было добраться до одного из креплений.

Внизу под ногами не было ничего, кроме белого пространства.

Он закрепил страховочный пояс, проверил узлы и опустился на колено. Коротким стальным скребком Борек снимал лёд тяжёлыми пластами, пока не показался тёмный камень.

Под ним обнаружилась серебристая прожилка.

Она шла вдоль внутренней стенки гнезда, уходя глубже в скалу. Когда Борек провёл по ней инструментом, металл отозвался негромким звоном.

Звук был странным.

Звук напоминал не удар по железу, а далёкий перебор натянутой струны.

Борек замер.

– Что там? – крикнул Варг сверху.

– Старое крепление.

– Оно целое?

– Пока не знаю.

Борек приложил ладонь к скале.

На миг ему почудилось, что камень под ладонью пульсирует. Серебристая прожилка потемнела, затем снова посветлела. Из глубины донёсся короткий глухой стук.

Борек убрал руку.

Борек не был геомантом. В детстве его учили отличать обычный металл от того, что прошло через древние основания Предтеч. Но это знание не объясняло, как они устроены. Даже мастера, посвятившие этому жизнь, спорили о природе древних сооружений.

Одно он усвоил твёрдо: старые гнёзда нельзя нагружать так же, как новые.

Он поднялся обратно.

– Не забивайте клинья сразу, – приказал он. – Сначала очистить все четыре гнезда. Проверить глубину и состояние стенок.

– Мы теряем время, – заметил Варг.

– Если одно крепление вырвет, времени у нас больше не будет.

Рабочие продолжили расчистку.

Через полчаса выяснилось, что два гнезда сохранились почти полностью. Третье раскололось, а четвёртое уходило в трещину, скрытую подо льдом.

Борек долго изучал повреждение.

– Здесь нельзя ставить основную балку.

– Тогда всё? – спросил Варг.

– Нет. Перенесём нагрузку на соседнее гнездо. Но придётся сделать дополнительную опору.

– Из чего?

Борек посмотрел на остатки галереи.

– Из старой балки. Если найдём достаточно длинную.

Один из солдат уже спускался к обломкам, закреплённым на склоне. Работа была опасной, но другого выхода не существовало.

К полудню ветер усилился. Брезент несколько раз едва не сорвало. Люди работали сменами по десять минут. Пальцы Борека онемели так, что он почти перестал чувствовать рукоять молотка.

Он продолжал работать.

Когда принесли найденную балку, стало ясно, что она не подходит по длине. Её пришлось соединять с одной из стальных опор при помощи накладок и клиньев.

Борек велел соединить балку с опорой в стороне от основного пролёта. Затем распорядился поставить поперечные связи, чтобы конструкцию не сложило под боковой нагрузкой.

Варг наблюдал за работой, время от времени проверяя страховочные канаты.

– Ты уверен, что она выдержит? – спросил он.

– Нет.

– Хорошо. Хоть один честный ответ за весь день.

– Я уверен лишь в том, что она выдержит одного человека. Пока этого достаточно.

Борек открыл флягу.

На дне фляги оставалось немного густой багровой жидкости. Она медленно перетекала вслед за наклоном сосуда, будто неохотно подчинялась движению. От неё тянуло железом и горькими травами.

Борек вылил несколько капель в подготовленную смесь.

Алхимический цемент изменился почти сразу.

Сначала поверхность смеси затянулась тонкой серебристой сеткой. Изнутри донёсся сухой треск. Раствор потемнел, а по краям вспыхнули крошечные красные точки, похожие на искры под пеплом.

Один из рабочих отшатнулся.

– Что это?

– Не трогать! – резко приказал Борек.

Смесь начала нагреваться.

Снег вокруг зашипел и осел. По камню пробежала тонкая полоса инея, словно тепло раствора вытягивало холод из породы.

Борек почувствовал металлический привкус во рту.

Он сглотнул, но вкус не исчез.

В груди сдавило. Пепельная болезнь напоминала о себе всякий раз, когда Борек слишком долго находился рядом с очищенным Ихором. Он не знал, было ли это последствием прежнего контакта или истощения. Но медлить было нельзя.

Он погрузил в смесь металлический клин.

На несколько мгновений клин задрожал.

Затем его словно потянуло в сторону скалы.

Борек удержал его обеими руками. Рабочий рядом подал молоток.

– Бейте, – сказал инженер.

Первый удар прозвучал глухо.

Второй отдался по всей балке.

На третьем ударе серебристые прожилки внутри анкерного гнезда тускло вспыхнули. Из глубины скалы донёсся низкий гул.

Люди замолчали.

Гул продолжался несколько секунд, затем оборвался.

Клин остался на месте.

– Это хорошо? – спросил рабочий.

– Пока не плохо, – ответил Борек.

Они закрепили вторую балку, поперечины и страховочные тросы. Переправа вышла узкой, тяжёлой и грубой. Щели между металлическими элементами закрыли досками, снятыми со старой галереи.

Но конструкция держалась.

К вечеру над провалом нависла стальная ферма.

Боковые тросы уходили к скальным выступам, а в центре лежал узкий настил – для одного человека или небольших санок. Каждый порыв ветра заставлял ферму гудеть; крепления отвечали низким металлическим стоном.

Борек стоял рядом с краем и смотрел на переправу.

– Проверим, – сказал Варг.

Он приказал принести тяжёлый ящик с инструментами и закрепить его на санях. Затем четверо солдат осторожно потянули груз по настилу.

Ферма прогнулась.

Раздался протяжный скрип.

Один из тросов натянулся так сильно, что на его поверхности выступила белая полоса напряжённого металла.

– Стой! – крикнул Борек.

Солдаты замерли.

Борек осмотрел ближайшую опору. Раствор уже схватился, но по поверхности расползались тонкие трещины. Они пока не раскрывались, однако удлинялись после каждого движения груза.

Борек провёл пальцем по краю.

– Центральная часть принимает слишком большую нагрузку.

– Значит, не выдержит? – спросил Варг.

– Значит, нельзя пускать по ней санки.

– А дети?

– По одному, с сопровождением. Взрослые тоже по одному. Груз переносить отдельно.

Варг посмотрел на переправу.

– На это уйдёт весь день.

– Если пойдём через Верхний Уступ, потеряем людей. Выбирай.

Сержант ничего не ответил.

Он только повернулся к бойцам.

– Сначала дети. Потом старики. Груз несите отдельно. Кто полезет на мост с двумя мешками, того я сам отправлю обратно в снег.

Первой через переправу повели девочку в обледенелом платке.

Она крепко держала руку матери. С другой стороны её ждал гвардеец, привязанный к страховочному тросу.

– Смотри на меня. Не вниз. Только на меня.

Девочка кивнула.

Первый шаг.

Металл тихо звякнул.

Второй.

Ферма качнулась.

Третий.

Из крепления донёсся негромкий стук.

Борек задержал дыхание.

Девочка добралась до середины. Там она остановилась, испуганно посмотрела на мать и не смогла сделать следующий шаг.

– Иди, – крикнул Варг. – Не стой!

Она не двигалась.

Тогда мать, оставшаяся на другом краю, опустилась на колени.

– Помнишь мост у нижней мельницы? Ты боялась воды, а потом сама потянула меня за руку. Сделай так и сейчас. Я здесь.

Девочка сделала ещё шаг.

Потом другой.

Гвардеец подхватил её под локоть и осторожно перенёс на твёрдую площадку.

Мать закрыла лицо руками.

Никто не кричал и не праздновал. На другом краю уже ждал следующий ребёнок.

Так продолжалось несколько часов.

Люди переходили медленно, по одному. Гвардейцы держали страховочные верёвки и поддерживали тех, кто едва стоял на ногах. Несколько раз переправу останавливали: трос ослабевал, а из анкерного гнезда доносился новый звук.

Каждый раз Борек подходил к креплению и проверял его.

К вечеру Борек заметил, что серебристые прожилки в скале погасли. Они потемнели, словно выгорели изнутри. На одном из клиньев выступила капля густой тёмной влаги.

Он коснулся её пальцем.

Жидкость оказалась тёплой.

– Княжич, – позвал Варг. – Что там?

Борек вытер палец о снег.

– Ничего. Продолжайте.

Но сам ещё долго смотрел на крепление.

Он понимал: состав не восстановил древнюю конструкцию. Он лишь помог ей выдержать нагрузку. Сколько ещё она продержится, никто не знал.

Последним через переправу прошёл Борек.

На середине переправы ветер ударил сбоку. Ферма загудела, металл под ногами ощутимо дрогнул.

На миг Бореку показалось, что гул идёт не от балок, а из глубины горы.

Где-то глубоко под снегом что-то ответило.

Борек замер.

Затем звук исчез.

Он дошёл до противоположного края и обернулся.

За спиной тянулась цепочка людей, постепенно исчезавшая в снежной пелене. Впереди ждали неизвестные долины, голод, чужие земли и дорога, которой никто из них не знал до конца.

Но этот перевал они прошли.

Варг подошёл к Бореку, снял шлем и вытер лицо рукавом.

– Сколько потеряли?

– Пока никого.

– Я не про людей. Сколько времени?

Борек посмотрел на небо. Свет почти исчез, а ветер продолжал усиливаться.

– Полдня.

– Много.

– Меньше, чем занял бы обход.

Варг кивнул.

– Завтра будет хуже.

– Знаю.

– А переправа?

Борек снова посмотрел на ферму.

– Больше её нельзя нагружать.

– Тогда придётся оставить.

– Придётся.

Сержант помолчал.

– Ты ведь понимаешь, что дальше таких мест будет больше?

– Понимаю.

– И не везде найдутся балки, клинья и старые гнёзда.

Борек не ответил.

Борек достал чертёж и сверился с маршрутом. Линия пересекала несколько перевалов, два узких ущелья и старые подъёмные площадки. На бумаге всё выглядело просто: штрихи, условные знаки, расстояния.

На склоне каждый такой штрих мог стоить десятков жизней.

– Завтра будем заранее искать обходы. И больше не станем полагаться на старые конструкции, пока не проверим их.

– Хорошо бы, чтобы ты это понял раньше.

– Я тоже так думаю.

Варг коротко усмехнулся.

Позади закашлял ребёнок. Женщина попросила у солдата воды. Кто-то ругался из-за пропавшего мешка; двое рабочих пытались развести огонь под скальным выступом, но ветер гасил каждую искру.

Жизнь продолжалась, словно люди не только что отвоевали у горы ещё один день.

Борек убрал чертёж.

– Разбить лагерь выше по склону. Не у самого обрыва. Сначала укрыть детей и стариков. Потом выставить караул.

– А ты?

– Проверю запасы.

– Ты едва стоишь.

– Значит, проверю сидя.

Варг хотел что-то сказать, но передумал.

Над перевалом опускалась ночь.

Внизу, под облаками, оставались нижние поселения Каэла – те, откуда вывели эти семьи. Форт-Гроза всё ещё держалась, и до общего ухода из неё было далеко. Никто не знал, сколько из этих людей когда-нибудь вернётся домой.

Борек смотрел на чёрные силуэты гор.

На рассвете Варг поведёт колонну дальше, а Борек вернётся в Форт-Грозу. Там оставались Аня, Рурик и большая часть жителей княжества.

Он знал: переправа их не спасла. Она лишь дала возможность идти дальше.

И сегодня этого было достаточно.

Глава 8. Под снегом Этерны

К исходу ноября столица Империи, Этерна, напоминала раненого зверя, забившегося в сугроб.

Снег укрыл дворцовые крыши, храмовые башни и узкие улицы ремесленных кварталов. Белизна лишь скрывала грязь: под ней оставались мусор, конский навоз, талая жижа и тела тех, кого некому было похоронить. На площадях у императорского цитадельного рва вместо ярмарочных балаганов дымили полевые кухни. Очереди к ним выстраивались ещё до рассвета.

В котлах варили жидкую похлёбку из ячменя, репы и того, что удавалось выкупить у окрестных землевладельцев. Порции уменьшались каждую неделю. Люди спорили, ругались, толкались, но почти никогда не расходились с пустыми руками: даже водянистая похлёбка была лучше, чем ничего.

В ремесленных кварталах топили печи сырым углём и старой мебелью. Дрова дорожали быстрее зерна. Владельцы мастерских закрывали горны, распускали учеников и продавали инструменты, прежде переходившие от отца к сыну. На некоторых улицах кузницы уже не зажигали огня по вечерам. В темноте оставались лишь редкие окна с алхимическими лампами.

Их багровый свет стал тусклее.

В одних светильниках капсулы затягивало мутным налётом, в других багровое пламя дрожало и клонилось в сторону, хотя сквозняка не было. Храмовые служители винили неправильное очищение Ихора. Алхимики говорили о нехватке добротного сырья. Простые люди считали, что Империя лишается благословения.

Никто не хотел произносить вслух, что происходит с самой Этерной.

Во дворце стояла особенная тишина – звонкая и напряжённая, какая бывает перед обвалом горной породы.

В коридоре Большого совета пахло остывшим воском, пылью и страхом. Слуги переговаривались шёпотом, чиновники не задерживались у дверей чужих кабинетов, а стражники проверяли документы даже у тех, кого знали много лет.

Сайлас Вейн шёл быстро и почти бесшумно, придерживая тяжёлый полуплащ. За ним поспевал Нолан – бледный молодой писарь с пачкой донесений под мышкой.

– Что по северным заставам? – спросил инквизитор, не оборачиваясь.

Нолан торопливо раскрыл верхнюю папку.

– Три доклада за последние пять дней. Каэл снимает гарнизоны с нижних блокпостов и перебрасывает людей вглубь кальдеры, к Форт-Грозе. На двух дорогах разобрали дорожные заграждения. На третьей местные сборщики не смогли получить положенную сталь.

– Почему?

– Горцы отказываются отдавать металл, пока не получат гарантии продовольствия. Караваны из южных житниц задержаны на перевалах. Один обоз повернул обратно.

Сайлас замедлил шаг.

– Повернул обратно?

– Да, господин инквизитор. Возчик сообщил, что дорогу перекрыли люди княжеской стражи. Они потребовали предъявить документы на зерно и подтверждение, что груз не предназначен для перепродажи.

– А у возчиков были документы?

– Были. Но без подтверждения от княжеского казначея их не пропустили.

Сайлас остановился.

– Имперский караван не может пройти по имперской дороге, потому что его не признаёт имперский вассал?

– Формально дорога проходит через территорию Каэла, господин.

– Благодарю за урок географии.

Нолан опустил глаза.

Инквизитор продолжил путь.

– Ещё что-нибудь?

– В одном донесении говорится, что в нижних поселениях Каэла начали вывозить семьи рабочих. Пока небольшими группами.

– Значит, Рурик готовит отступление.

– Возможно, он просто освобождает нижние блоки, чтобы сократить расходы на содержание гарнизонов.

Сайлас бросил на него короткий взгляд.

– Кто написал?

– Капитан Орвен, северная застава.

– Передай ему, что в следующий раз я хочу получить выводы, а не перечень очевидных фактов.

Они подошли к резным дубовым дверям личных покоев императора.

Нолан остановился.

– Ещё одно, господин инквизитор.

– Говори.

– В последнем донесении упоминается странная активность на складах у старой пристани. Несколько обозов прибыли ночью, но в городские реестры не попали. Склад принадлежит купцу, связанному с домом де Вальмонт.

Сайлас протянул руку.

Писарь достал лист.

Инквизитор быстро пробежал глазами по строчкам.

– Кто проверял?

– Городская стража. Они обнаружили следы разгрузки, но склад был пуст. Управляющий заявил, что привозили соль.

– И они ему поверили?

– В рапорте написано, что подтверждений обратного нет.

Сайлас сложил бумагу.

– Оставь мне копию. И больше никому не показывай этот доклад.

– Да, господин.

Массивная створка двери бесшумно приоткрылась.

На пороге стояла Серафина. Её строгое серое платье не имело ни единой складки, но под глазами залегли глубокие тени. Казалось, последние ночи она провела не во сне, а в бесконечном споре с цифрами и чужими требованиями.

Её взгляд скользнул по Сайласу, затем остановился на Нолане.

– Инквизитор, государь ожидает вас.

– Писарь останется здесь.

– Разумеется.

Нолан поклонился и отступил к стене.

Сайлас вошёл.

В императорских покоях было невыносимо душно.

Печи раскалили воздух до пустынного зноя, однако Малакор Валарион по-прежнему кутался в тяжёлый соболиный плащ. Император сидел в глубоком кресле перед потухшим камином. На низком столике стоял серебряный поднос с чашей воды, к которой он, похоже, даже не прикоснулся.

При свете масляных ламп лицо Малакора казалось изваянием из серого воска. Кожа на скулах и лбу утратила живой оттенок, став похожей на перламутрово-пепельный панцирь. Под глазами залегли тёмные впадины. Правая рука неподвижно лежала на подлокотнике; левой император время от времени пытался расправить складку плаща.

Сайлас опустился на одно колено.

– Ваше Величество.

– Встаньте, инквизитор. Мне нужны не поклоны, а решения.

Сайлас поднялся.

– Я готов доложить.

– Тогда говорите.

Серафина заняла место у письменного стола. Перед ней лежали несколько раскрытых реестров, а рядом стояла шкатулка с государственными печатями. Она не вмешивалась, но внимательно следила за разговором.

– Сеть Шепчущих подтвердила худшие подозрения, – начал Сайлас. – Утечки Ихора из храмов и распределителей не похожи на обычное воровство. За последние месяцы исчезли десятки унций очищенного вещества. Одни недостачи списывали на повреждённые сосуды, другие – на разбойников, хотя ни одного свидетельства нападения не нашли.

– И кто за этим стоит?

– Пока не установлено окончательно. Но следы ведут к финансовым каналам Вольного Города Гарма.

Малакор медленно повернул голову.

– Гарм?

– Да, Ваше Величество.

– Купцы решили, что могут торговать имперской кровью на чёрном рынке?

– Не только купцы. Мы обнаружили цепочку посредников, скупку долговых расписок разорившихся родов, перекупку инженерных патентов и несколько тайных хранилищ алхимических материалов. Связь между ними скрыта за подставными домами и меняльными конторами.

Сайлас достал документы.

На первом листе были перечислены храмовые поставки. На втором – суммы, прошедшие через три банковских дома. На третьем – названия складов и фамилии посредников.

– Вот храм Святого Элиаса. По реестру ему выделили сто сорок унций очищенного Ихора. Получено сто десять. Тридцать исчезли. Настоятель заявил о нападении на обоз, но городская стража не получала никакого сообщения о разбое.

Малакор посмотрел на цифры.

– И это не единственный случай?

– Нет. В нескольких местах повторяется одна схема: сначала исчезает часть поставки, затем появляются фиктивные расходы на ремонт сосудов или охрану. После этого деньги проходят через меняльные конторы и растворяются в долговых обязательствах.

– Кто-нибудь из наших чиновников замешан?

– Без сомнения. Но пока у меня нет имён, которые можно предъявить суду.

– Суду?

Малакор произнёс это слово с таким выражением, словно оно показалось ему неуместным.

Сайлас выдержал паузу.

– Я хотел сказать, что у меня пока нет доказательств, достаточных для публичного обвинения.

– А для тайного?

– Достаточно, чтобы начать наблюдение и задержания отдельных посредников.

Император взял один из листов. Его пальцы дрожали. Бумага шуршала в руке, хотя в комнате не было ветра.

– Здесь упоминается некий Ткач.

– Немой Ткач, Ваше Величество. Так его называют в Гарме. Настоящего имени мы не знаем. Он не участвует в переговорах лично и не оставляет прямых распоряжений. Его люди действуют через посредников, меняют печати и передают приказы по долговым конторам.

– И ты считаешь, что это один человек?

– Я считаю, что за этим именем стоит организованная группа. Возможно, сам Ткач – лишь фигура, которой прикрывают несколько влиятельных домов.

– Что им нужно?

– Ихор, деньги, специалисты и возможность пережить падение тех, кто сейчас владеет властью.

Малакор поднял глаза.

– Пережить падение?

– Судя по найденным бумагам, они готовятся к серьёзному политическому кризису в Этерне. Скупают обязательства родов, которым не хватает средств на земли и гарнизоны, перекупают патенты и контракты, создают запасы сырья за пределами Империи.

– Они готовятся к падению столицы?

– Возможно. Но это пока вывод, а не доказанный факт.

Император медленно опустил пергамент.

– Значит, крысы побежали с корабля ещё до того, как он дал течь.

В его голосе не было громкости. Только усталость и холодная злость.

– Они думают, что трон рухнет, и смогут растащить империю по кускам.

– Они рассчитывают, что кризис ослабит государственные учреждения, – осторожно поправил Сайлас. – И тогда никто не помешает им распоряжаться накопленными ресурсами.

– Это одно и то же.

– Не совсем, Ваше Величество.

Малакор посмотрел на него.

– Объясни.

– Если это обычная подготовка к смене власти, нам достаточно найти главных финансистов и лишить их возможности действовать. Если же они создают независимую сеть снабжения, то даже после арестов она продолжит работать. Люди, склады и обязательства останутся на месте.

Сайлас указал на документы.

– Здесь не просто кража Ихора. Здесь попытка получить контроль над тем, что государство уже не может удерживать.

Серафина подняла взгляд от реестров.

– Ваше Величество, если инквизитор прав, нам следует прежде всего установить, какие именно склады и посредники связаны с этой сетью. Массовые аресты могут нарушить торговлю сильнее, чем сама утечка.

Малакор повернулся к ней.

– Ты предлагаешь ничего не делать?

– Я предлагаю не разрушать те каналы, через которые ещё поступают необходимые товары. Если мы остановим все расчёты в Гарме, пострадают не только заговорщики. Империя сама зависит от этих банков.

– Империя зависит от собственных врагов?

– Империя зависит от торговли, Ваше Величество. Враги пользуются этим так же, как и верные подданные.

– И от лекарств, – добавила Серафина. – Окхейвен предупредил о сокращении ближайшей партии Слёзного корня. На дельте поражены новые участки, а причина по-прежнему не установлена. Люциус просит временно пересмотреть квоты.

– Они удерживают корень, чтобы заставить нас уступить? – спросил Малакор.

– У нас нет доказательств намеренного ограничения поставок, – ответила Серафина. – Но лечебницы уже предупреждают о нехватке запасов. Если мы начнём давить на Лигу, не обеспечив замену, первыми пострадают больные.

Малакор помолчал, глядя на карту. – Установить, какие запасы ещё доступны Империи. И выяснить, кто скупает обязательства Окхейвена. Но не останавливать действующие поставки без моего приказа.

Малакор отвернулся.

Некоторое время он смотрел на потухший камин.

– Сайлас, ты говорил, что Ихор переправляют на север и восток. Куда именно?

– Точные конечные пункты пока неизвестны. Есть следы поставок в сторону горных дорог. Несколько грузов прошли через посредников, связанных с каэльскими торговыми домами.

– В Каэл?

– Да, Ваше Величество.

Император сжал подлокотник.

Под серой кожей его пальцев проступили тёмные прожилки.

– Рурик.

Сайлас ничего не ответил.

– Он требует зерно, не выполняет обязательств по стали, снимает гарнизоны с застав. А теперь выясняется, что в его сторону уходят украденные алхимические запасы.

– Мы не можем утверждать, что князь Рурик знает об этих поставках.

– Не можешь?

– Нет, Ваше Величество. Пока нет.

Малакор поднялся.

Движение далось ему тяжело. На мгновение он потерял равновесие, и Серафина сделала шаг вперёд. Но император удержался за спинку кресла.

– Все они думают, что я ослеп, – произнёс он. – Думают, что болезнь отняла у меня разум вместе с кровью.

– Никто не осмеливается говорить такое, Ваше Величество, – сказала Серафина.

– Не нужно, чтобы говорили. Достаточно, чтобы думали.

Он сделал несколько шагов к зеркалу.

Высокая бронзовая рама отражала его фигуру. Серое лицо, тяжёлый плащ, неподвижная рука. На мгновение Малакор задержал взгляд на собственном отражении.

Затем коснулся груди.

Под одеждой что-то отозвалось слабым гулом.

Серафина услышала его и напряглась.

– Государь, вам следует присесть.

– Я не нуждаюсь в отдыхе.

– Ваше Величество, вы уже несколько часов не принимали–

– Довольно.

Император резко повернулся.

Масляные светильники дрогнули.

В одном из светильников багровое пламя вытянулось вверх, словно его потянула невидимая рука. Жидкость в стеклянной капсуле собралась у горлышка, хотя сосуд не двигался. По стеклу пробежала тонкая трещина.

Сайлас инстинктивно отступил.

Серафина не двинулась.

– Ваше Величество, – тихо произнесла она.

Малакор посмотрел на светильник.

Несколько мгновений он будто не понимал, что произошло. Затем поднял руку, и пламя опустилось. Капсула перестала дрожать, но трещина осталась.

Император тяжело выдохнул.

– Продолжайте, инквизитор.

Сайлас понял: это была не просто вспышка гнева. Ихор в светильнике отозвался на состояние Малакора – словно между ними существовала связь, которой никто в комнате не мог объяснить.

– Нам необходимо действовать одновременно в двух направлениях, – сказал он. – В Гарме – установить финансовую цепочку и задержать ключевых посредников. На севере – проверить поставки и выяснить, кто получает алхимические материалы.

– Нет, – отрезал Малакор.

Сайлас замолчал.

– Сначала Гарм. Я хочу, чтобы они поняли цену предательства.

– Ваше Величество, если мы направим туда войска, Синдикат может просто перенести расчёты в другие города.

– Тогда найдёшь их там.

– Для этого потребуется время.

– Времени у меня нет.

Слова прозвучали неожиданно резко.

Малакор подошёл к столу и положил ладонь на документы.

– Я даю тебе широкие полномочия. Без санкций Большого совета и согласований с прокуратурой. Собирай имперский экспедиционный отряд, проверяй биржевые дома в Гарме, вскрывай склады, задерживай менял и всех, кто связан с этим Ткачом.

– Ваше Величество, для действий за пределами Империи нам потребуется отдельное разрешение властей Гарма.

– Получишь его, если понадобится. Если откажут – доложишь мне.

Серафина чуть заметно нахмурилась.

– Государь, такое распоряжение потребует отдельной печати. Командование экспедиционного отряда должно получить письменное подтверждение.

– Подготовь.

– Но если мы направим отряд за пределы Империи без согласования с властями Гарма, это может быть воспринято как вторжение.

– Пусть воспринимают.

Сайлас посмотрел на императора.

– А если Гарм откажет в доступе?

– Тогда входи без разрешения.

– Это может привести к вооружённому столкновению.

– Значит, они сами выберут, чем закончится дело.

Император говорил всё быстрее. Лицо его оставалось неподвижным, но пальцы сжимались и разжимались. Тёмные прожилки под кожей становились заметнее.

Сайлас видел: Малакор уже не слушает доводов. Он слышит лишь угрозы, которые подтверждают его страх.

Но оставался ещё один вопрос.

– Каэл получит ровно то, что заслужил за свою гордыню.

– Но без зерна горцы не смогут содержать ни шахтёров, ни гарнизоны.

– Тогда пусть научатся жить на собственной стали.

– Сталью не кормят детей, Ваше Величество.

В комнате стало тихо.

Серафина медленно опустила перо на стол.

Малакор повернулся к Сайласу.

– Ты решил защищать князя Рурика?

– Я защищаю интересы Империи. Если Каэл рухнет, мы потеряем металл, уголь и оборудование. А если его жители двинутся на юг, вместо непокорного вассала мы получим десятки тысяч голодных людей на наших дорогах.

– Значит, ты боишься беженцев?

– Я боюсь последствий, которые можно было предотвратить.

Малакор приблизился.

Он был ниже Сайласа, но в этот момент казался гораздо выше. В его глазах появился тот самый старый, холодный блеск, который когда-то заставлял лордов склоняться перед троном.

– Ты забываешь, кто здесь принимает решения.

Сайлас склонил голову.

– Нет, Ваше Величество.

– Тогда запомни. Война начинается не на границах. Она начинается в головах тех, кто решил, будто Империя уже мертва.

Малакор снова посмотрел в зеркало.

– Иди и покажи им, как ошибаются мертвецы.

Сайлас поклонился.

– Будет исполнено.

Он собрал документы и направился к выходу.

– Инквизитор, – остановила его Серафина.

Сайлас обернулся.

– Подождите.

Она подошла к письменному столу, достала отдельный лист и начала быстро писать распоряжение. Чернила ложились на бумагу неровно: перо несколько раз цеплялось за поверхность, словно высохший пергамент не желал принимать текст.

– Здесь будет указано, что отряд действует по прямому приказу императора, – сказала она. – Это избавит вас от споров с командованием на границе.

– Благодарю.

– Не благодарите. Я лишь стараюсь, чтобы приказ не рассыпался прежде, чем вы доберётесь до Гарма.

Она поставила печать.

На воске проступил герб Валарионов – корона над раскрытым крылом.

– И ещё, инквизитор.

– Да?

Серафина понизила голос.

– Не позволяйте людям Малакора устраивать расправы без разбора. Если вы начнёте вешать менял на воротах, Гарм закроет свои рынки быстрее, чем вы успеете найти Ткача.

– Вы считаете, что я не справлюсь?

– Я считаю, что вам поручили слишком многое и слишком мало времени.

Сайлас посмотрел на печать.

– Я постараюсь не перепутать одно с другим.

Серафина протянула ему распоряжение.

Он взял лист и покинул покои.

Нолан всё ещё ждал у двери.

При виде инквизитора он выпрямился.

– Вы готовы, господин?

– Отправь копию этого распоряжения командиру экспедиционного отряда. Оригинал останется у меня.

– Да.

– Найди людей, которые знают торговые дороги Гарма. Мне нужны проводники, переводчики и те, кто умеет работать с долговыми книгами.

Нолан быстро записывал.

– Сколько человек готовить?

– Пока никого. Сначала выясни, кто из офицеров готов сопровождать отряд за пределы Империи.

– А если никто не согласится?

– Тогда я узнаю, кто именно не согласился.

Писарь кивнул.

Сайлас двинулся по коридору, но у ближайшего окна остановился.

За окном Этерна медленно погружалась в сумерки. На площади у дворцового рва люди всё ещё стояли в очереди за похлёбкой. Ветер гнал дым полевых кухонь, и на мгновение казалось, будто над городом повисло облако пепла.

Сайлас достал из внутреннего кармана небольшой свёрток.

Внутри лежала копия найденного в архиве документа с отметками о пропавших поставках Ихора. На полях стоял знак Шепчущих – тонкая изломанная линия, пересечённая тремя короткими чертами.

Он сравнил его с меткой на конверте, полученном несколько дней назад.

Знаки совпадали.

Но совпадение ничего не доказывало. Шепчущие могли быть частью сети, могли лишь наблюдать за ней, а могли намеренно подбрасывать сведения, направляя Инквизицию туда, куда им было выгодно.

Сайлас сложил бумаги.

Сайлас не верил в случайности. Но ещё меньше он доверял тем, кто слишком охотно предлагал готовые ответы.

– Господин инквизитор? – позвал Нолан.

– Что?

– Вы сказали, что нужно найти людей, знакомых с дорогами Гарма. Я знаю одного писаря из торговой палаты. Его брат служил в таможне.

– Он надёжен?

– Не знаю. Но он хорошо считает.

Сайлас посмотрел на юношу.

– Этого пока достаточно.

Они пошли дальше.

За стенами дворца город жил своей тяжёлой, голодной жизнью. Люди искали уголь, торговались за хлеб, прятали последние монеты и надеялись дотянуть до весны.

А в императорских покоях Малакор Валарион снова стоял перед зеркалом.

Он смотрел на собственное отражение и не узнавал человека, который смотрел на него из глубины бронзовой рамы.

Под соболиным плащом болезненно ныло в груди. Пепельные прожилки темнели, медленно поднимаясь от ключиц к шее.

Император положил руку на сердце.

На этот раз гул не исчез сразу.

Он продолжался несколько ударов, затем стих.

Малакор долго не двигался.

За его спиной в треснувшей капсуле алхимического светильника медленно оседала багровая жидкость.

В Окхейвене Люциус Морван принимал доклады в малом зале Торговой палаты. За высокими окнами шумела гавань; под дождём грузчики укрывали брезентом ящики, которые должны были уйти на север и восток. На столе перед Люциусом лежали ведомости урожая, списки лечебниц и требования кредиторов.

– Потери на дельте выросли, – доложил управляющий плантациями. – Поражение перешло ещё на три участка. Мы изолировали заражённые гряды, но грибница держится в почве. Агрономы не могут сказать, откуда она появилась и почему обычная обработка не помогает.

– Есть подтверждение, что это чья-то работа? – спросил Люциус.

– Нет. Есть догадки. Одни винят воду, другие – старые удобрения, третьи говорят о редкой природной мутации. Ни одна версия не доказана.

Люциус перелистнул ведомость. Объём молочного сока, пригодного для лечебниц, сокращался быстрее, чем общий урожай. Слёзный корень был не просто товаром: его сок сдерживал Пепельную болезнь, и каждая задержанная партия означала, что кому-то придётся ждать следующей поставки, не зная, дождётся ли.

– Сколько осталось для лечебниц? – спросил он.

– При нынешней норме – меньше двух недель пригодного очищенного сока. Трёхлетний стратегический запас в подземных складах Гарма числится в реестрах, но большая часть сырья давно утратила нужные свойства. Его нельзя сразу выдать лечебницам: повторное связывание требует свежего дистиллята и очищенного Ихора, а восстановить удастся лишь часть. Если сократить выдачу, нынешний запас продержится дольше, но это лишь отсрочит нехватку.

– А внешние контракты?

– Ближайшие государственные партии уже уменьшены. Свежий урожай за пределы Лиги не вывозим, но по ранее заключённым государственным контрактам продолжаем отправлять уже подготовленные запасы. Выполнить обязательства в прежнем объёме не сможем. Империя и Каэл получат меньше, чем ожидали.

У другого края стола сидел представитель казначейства. Он подвинул к Люциусу пачку бумаг.

– Есть и финансовая сторона. Железный Банк Гарма скупает долговые обязательства Лиги. После сообщений о поражении плантаций расписки Окхейвена резко подешевели. Несколько домов уже требуют досрочного пересмотра условий.

Люциус посмотрел на печати. В некоторых документах встречались названия контор, которые фигурировали в расследованиях пропавшего Ихора. Это могло быть совпадением: Гарм торговал долгами и сырьём со всеми крупными державами. Но совпадение требовало проверки.

– Не смешивайте две беды только потому, что их бумаги лежат на одном столе, – сказал Люциус. – Грибковое поражение не доказывает заговора, а скупка долгов не объясняет, что происходит с корнями. Проверяйте каждую линию отдельно.

– Если мы сохраним внутренний запас, придётся ещё сильнее сократить экспорт, – заметил казначей. – Покупатели могут решить, что Лига больше не способна выполнять договоры.

– Если мы отправим за море всё, что осталось, наши лечебницы останутся без лекарства. Тогда договоры будут подписывать уже не с правительством, а с теми, кто сумеет удержать улицы от бунта.

Он взял перо и провёл черту под расчётами.

– Сохранить минимальную норму для лечебниц. Поставки по внешним контрактам распределить пропорционально, без тайных привилегий. Покупателям сообщить правду: объём урожая снизился, причина поражения неизвестна, сроки восстановления не обещаем. И ни одного слова о саботаже, пока у нас нет доказательств.

Управляющий плантациями поклонился. Казначей не выглядел убеждённым, но забрал распоряжение.

Когда они ушли, Люциус остался один. На краю стола лежал лист с перечнем лечебниц, которым предстояло сократить выдачу. Он долго смотрел на названия, затем сложил лист и убрал во внутренний карман.

За окном продолжала работать гавань. Корабли ещё выходили в море, но теперь каждый груз покидал Окхейвен с ощущением, что вместе с ним уходит часть времени, которого у Лиги почти не осталось.

Глава 9. Гул под камнем

Густой, маслянистый дым паровых котлов поднимался над ущельем Каньона Бальдра и смешивался с низкими свинцовыми тучами. Ветер гнал его вдоль скал; над подъёмным узлом Сети Векторов застыла сизая пелена. На северной ветви Каэла воздух был тяжёлым от угольной гари, машинного масла и палёной кожи.

Утро давно наступило, однако солнце так и не показалось.

Эрик стоял у массивной чугунной станины распределительного узла и методично затягивал болты на треснувшем фланце паровой магистрали. Потрёпанная кожаная куртка пропиталась маслом и белёсой пылью кристаллизовавшегося Ихора. Каждый поворот ключа отдавался тупой болью в правом плече. Эрик не спал почти сутки; накануне он вместе с рабочими таскал стальные балки для восстановления переправы на Драконьем Зубе.

Под лопаткой ныло так, словно туда загнали раскалённый гвоздь.

– Давление в контуре падает, Эрик!

Мартен, его молодой помощник, стоял у манометра. Сажа покрывала щеки парня, волосы слиплись от пота. Стрелка дрожала возле красной отметки.

– Если сейчас дать полный ход подъёмникам, магистраль разорвёт!

Эрик выругался, сплюнул на каменный пол и выпрямился.

– Не разорвёт, если перекроешь аварийные клапаны на шестом и седьмом секторах. Перебрось поток в обход центральной жилы.

– Там же обратный клапан заедает!

– Вот и перебрасывай. Не стой столбом!

Мартен бросился к боковому распределителю.

Эрик подошёл к высокому рубиновому регулятору давления. Корпус был исцарапан, под стеклянным колпаком медленно двигалась тонкая красная полоска. На старых участках Сети такие приборы встречались редко. Большинство давно заменили обычными механическими манометрами, но рубиновые регуляторы оставили там, где паровые магистрали проходили рядом с древними основаниями.

Они показывали не только силу пара: по ним судили, насколько давление согласуется с камнем.

Эрик положил ладонь на корпус.

Внутри что-то тихо звякнуло.

Он убрал руку.

– Что там? – спросил Мартен.

– Ничего. Работай.

Эрик снова взглянул на шкалу. Красная полоска медленно ползла вниз, хотя котёл работал на пределе.

Это было неправильно.

Обычно давление падало постепенно – из-за утечки или повреждения трубы. Здесь же оно будто исчезало прямо в магистрали. Котёл отдавал мощность, поршни двигались, пар шёл по трубам, а подъёмники не получали нужного усилия.

Словно часть силы уходила туда, чего не было ни на одном инженерном чертеже.

– Центральная жила! – крикнул Мартен. – Она опять гудит!

Эрик повернул голову.

За стеной распределительного помещения, под толстым слоем кладки, проходила одна из древних каменных опор. Верхняя часть скрывалась в скале, нижняя уходила в фундамент станции. Каэльские мастера укрепили её железными скобами несколько поколений назад, но сама опора стояла здесь задолго до основания княжества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.